

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ Вестник

международный научный журнал

8
2025

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№8 (50) / 2025

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

В оформлении обложки использована картина Иов Беркхейде «Нотариус в своей конторе».

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию
и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Акимова И.Ю., Варушкин А.С., Гущина М.А., Максимова-Белая А.Я., Радченко Е.А., Филатов П.В., Жайлибаева Ж.С.

Тенденции в системе государственного управления 1

Тонких А.А.

Специфика юридической науки. Дискурсы изучения права 2

Тонких А.А.

Объективность, предметность, обоснованность, достоверность, методологическое обеспечение как необходимые критерии научного юридического знания 4

Тонких А.А.

Проект научной юриспруденции в школе естественного права (Г. Гроций, Т. Гоббс, и др.): абстрактные понятия догматической юриспруденции и идеальные понятия классической науки..... 5

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Михайлов Г.О.

Полицейское право как юридическая наука и учебная дисциплина. 8

Тонких А.А.

Справедливость в истории правовой мысли. Уравнивающая и распределяющая справедливость. Современные интерпретации идеи справедливости 10

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Утешева Л.Р.

Внутренние юридические инструменты защиты государственных интересов России 12

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Маковская Д.Н.

Легальная покупка и продажа аккаунтов в сети Интернет. 16

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Незов Д.С.

Определение даты объективного банкротства: методология, судебная практика и нерешённые вопросы..... 20

Протазова Е.В.

Правовое регулирование венчурного инвестирования в российские стартапы: проблемы трансформации корпоративной структуры. 22

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Чабанова А.Ю., Копьев С.А., Ищенко А.Г., Мамаева А.С., Тепляшин Р.А.

Защита трудовых прав в условиях гражданско-правовых договоров: проблемы квалификации и правовые гарантии. 25

Чабанова А.Ю., Мамаева А.С., Мискевич М.С., Жайлибаева Ж.С., Тепляшин Р.А.

Гражданско-правовая ответственность государства за вред, причиненный действиями государственных служащих. 27

Шереметьева О.Ю.

Причины популярности и опасности подпорных стен в городе Сочи Краснодарского края, их функциональное назначение и правовые особенности. 28

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Дзусов Р.С.

К вопросу об отсутствии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, предусмотренных статьями 290–291 УК РФ в составах мелкого взяточничества (статья 291.2 УК РФ) 31

Егорова А.Д.

К проблеме криминологического понятия «личность преступника-террориста» 34

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Тенденции в системе государственного управления

Акимова Инесса Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Варушкин Александр Сергеевич, студент магистратуры;

Гущина Мария Александровна, студент магистратуры;

Максимова-Белая Анна Яковлевна, студент магистратуры;

Радченко Евгений Анатольевич, студент магистратуры;

Филатов Павел Валерьевич, студент магистратуры;

Жайлибаева Жанна Салимжановна, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Сложность государственного управления еще более возрастает в связи с изменениями, происходящими в обществе, стремительное развитие всех сфер остро поставило на повестку дня поиск новых форм и средств социального управления, подготовки высококвалифицированных кадров.

Ключевые слова. государство, информация, государственная служба, власть, общество, кадры.

Можно предположить, что многочисленные проблемы во всех сферах, происходящие в современном мире, вызваны тем, что способы их решения, которые есть в арсенале человечества, сильно устарели. У общества появились новые возможности и механизмы, позволяющие применять новые подходы для разрешения современных проблем.

Одной из сфер, где необходимо применять эти подходы, является сфера государственного управления, прежде всего в аспекте определения роли государства во взаимоотношениях с его гражданами, формирование профессионального аппарата.

На лицо, невысокий престиж государства, неуважение к центральной власти (по результатам опросов Аналитического центра ВЦИОМ, деятельность Правительства РФ одобряют 50,7% [1]).

В России, государство исторически играло более значительную роль, чем, например, в европейских странах. Особая его роль заключалась в подавлении общества — общественное выше личного, решение принимается свободно, но за них ответственность не несешь, а за это государство обеспечивало социальную защищенность. За последние тридцать лет ситуация изменилась.

Очевидно, что государство — это сложный институт, который выполняет множество различных функций, имеет многоуровневую систему. Последние десятилетия характеризуются повышением индустриализации экономики, это побуждает искать новые формы социального управления.

Известно, что процесс управления — это взаимодействие субъекта и объекта управления, с использованием

методов, в результате которого происходит административное воздействие [2. с. 8]. Современные реалии требуют перехода от административных к интеллектуальным методам управления, усиленного внимания субъекта управления к качеству принимаемых им решений, с точки зрения приемлемости для объекта управления. Каждое воздействие субъекта должно вызывать необходимую для достижения поставленной цели реакцию объекта. В этом случае, процесс управления будет иметь наилучшие показатели, гармонизацию интересов объекта и субъекта управления.

Стремительное развитие телекоммуникаций, информационная революция, также приносит изменения во все сферы жизни, в том числе и в систему государственного управления. Роль информации увеличилась. В этом контексте индивид максимально расширяет свои возможности в сфере политических и социальных требований, что серьезно осложняет государству реализацию своих полномочий.

Информационное обеспечение всех процессов государственного управления, является одной из важнейших задач государства. В доктрине национальной безопасности России, указывалось, что информация составляет основу национального богатства, служит системообразующим фактором жизни общества [3].

Наиболее значимой в общественной жизни является управленческая информация, исходящие от первых лиц государства, например, в виде Послания Президента В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации.

Такая информация носит системообразующий характер, который обуславливается заложенными в инфор-

мацию управленческими решениями и предполагаемыми практическими результатами.

Нынешнее положение с доступом к информации требует специалистов новой формации, которые оперируют современными информационно-управленческими технологиями.

Одной из проблем государственного управления экономической сферой выступает ситуация, при которой, органы государственного регулирования экономики берут на себя слишком большую ответственность за решение множества проблем, и это приводит к неспособности в должной мере решать возникшие трудности.

Считаем целесообразно отказаться государству от регулирования некоторых сфер экономической деятельности, тем самым сократить государственный сектор экономики, и увеличить эффективность системы государственного управления.

Для реализации функций государства сформировано профессиональное сообщество государственных

служащих. История государственной службы в нашей стране насчитывает почти тридцать лет, с момента принятия Федерального закона «О системе государственной службы». Важность кадрового обеспечения неоднократно подчёркивалась в стратегических документах Российской Федерации, в частности, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [4].

Многочисленные реформы государственной службы не принесли результатов. Практически во всех видах службы складывается ситуация нехватки кадров. Относительно не сложные условия приема на службу, довольно низкие требования к соискателям, привлекают молодых людей. Но, излишняя нагрузка, отсутствие должностного роста, крайне низкий темп увеличения материального обеспечения, приводит к текучести и дефициту кадров на государственной службе.

Литература:

1. Большинство россиян доверяют Путину, показал опрос ВЦИОМ// Электронный ресурс. Точка доступа: <https://ria.ru/>. Дата обращения 15.08.2025.
2. Административное право: учебник / под общ. ред. А. С. Телегина; Пермский государственный национальный исследовательский университет. — Пермь, 2020. — С. 340.
3. Доктрина национальной безопасности// Собрание законодательства РФ. 2000, № 2, ст. 170.
4. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/

Специфика юридической науки. Дискурсы изучения права

Тонких Алексей Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье рассматривается специфика применения юридической науки на примере юридического дискурса, в рамках мышления в правовой области.

Ключевые слова: дискурс, юриспруденция, философия, гносеология, закон, система правовой коммуникации.

В современном научном дискурсе термин «дискурс» вызывает множество интерпретаций и споров. Это явление связано с тем, что к теории дискурса проявляют интерес специалисты из различных областей знаний, таких как философия, лингвистика, психология и социология. Каждый из этих подходов формирует свои уникальные определения и концепции, что подчеркивает сложность и многогранность самого термина.

Лингвистика, как одна из ключевых областей, занимающихся изучением дискурса, также не предлагает единого определения. Дискурс часто рассматривается наряду с такими понятиями, как речь, текст и речевой акт. Это приводит к путанице и разнообразию трактовок. Например,

в лингвистическом энциклопедическом словаре дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами», что подчеркивает его зависимость от контекста. Юридический дискурс в свою очередь представляет из себя скорее форму использования языка, которая отражает правовой тип активности, совмещая при этом историческое развитие и этапы формирования правовой культуры общества.

Многие ученые, учитывая специфику юридической науки конкретизируют понятия дискурса, вводя его в конкретные рамки.

Так, А. Ю. Мордовцев вводит понятие «политикоправовой дискурс», акцентируя внимание на прикладных ас-

пектах правового дискурса в контексте современных политических процессов в России. Это понятие охватывает не только взаимодействие права и политики, но и более широкий спектр правового общения, которое происходит в обществе.

Политико-правовой дискурс становится важным инструментом для анализа того, как правовые нормы и политические решения формируются, принимаются и воспринимаются гражданами. А. Ю. Мордовцев подчеркивает, что семантический анализ политико-правовых реалий позволяет выявить не только содержание правовых норм, но и их социальный контекст, что в свою очередь влияет на восприятие закона обществом. Важно понимать, что правовой дискурс не сводится к политической коммуникации, а включает в себя все аспекты правового общения.

В. М. Розин, в свою очередь, предлагает рассматривать дискурс как «способ мышления и языкового выражения какого-либо явления» [4], в том числе и правового. Он выделяет два основных типа правового дискурса: нормативно-организационный и социально-юридический.

Нормативно-организационный дискурс связан с формулированием и реализацией правовых норм, в то время как социально-юридический дискурс отражает, как эти нормы воспринимаются и интерпретируются в обществе.

Многие ученые также формируют свои понятия дискурса. Так, Т. А. Скуратовская в своих работах акцентирует внимание на значении «судебного дискурса» как одной из разновидностей правового дискурса, подчеркивая его влияние на процесс правового регулирования. Важно отметить, что правовой дискурс охватывает все стадии правового регулирования, включая правотворчество, толкование, правоотношения и реализацию права.

Правовой дискурс характеризуется своей спецификой, которая проявляется в различных формах общения между участниками правовых отношений. На стадии правоприменения, в частности в уголовном судопроизводстве, судебный дискурс становится особенно актуальным.

Он включает в себя не только юридические нормы, но и интерпретацию этих норм, а также взаимодействие между судьями, адвокатами, прокурорами и другими участниками процесса.

А. С. Александров в своей работе «Язык уголовного судопроизводства» [1] предлагает рассмотреть результаты исследований лингво-юридической направленности, акцентируя внимание на постмодернистском подходе.

Он использует идеи англо-американской школы критических правовых исследований, что позволяет ему со-

здать новое междисциплинарное учение об уголовном судопроизводстве, объединяющее лингвистику и юриспруденцию.

При исследовании гносеологических основ права можно делать переход к деконструктивизму, опираясь на идеи постструктурализма, неотрейдиизма, семиологии и феноменологии. Это позволяет глубже понять сущность судебного дискурса и его влияние на процесс правоприменения.

Все исследователи, занимающиеся этой темой, согласны с тем, что правовое мышление, правовое действие и языковая форма находятся в тесном единстве. Это единство подчеркивает, что правовой дискурс является объектом междисциплинарных исследований, охватывающим как юридические, так и лингвистические аспекты.

Среди ученых существует мнение, что термины «правовой» и «юридический» являются синонимами. С. С. Алексеев, например, утверждает, что «эти слова однозначны и взаимозаменяемы» [2]. Однако, при более глубоком анализе можно заметить, что между ними есть нюансы. В латинском языке слово «juridicus» переводится как «судебный», что подразумевает более узкое понимание, связанное с правоприменением и судебной практикой.

В то время как «правовой» охватывает более широкие аспекты, включая правовые нормы, принципы и философию права.

Таким образом, можно утверждать, что категория «правовой» является более универсальной и включает в себя не только юридические нормы, но и более абстрактные концепции, такие как правосознание и правовая культура.

Именно рассматривая правовой дискурс в данных рамках можно с уверенностью говорить, что именно в данном вопросе и заключается специфика юридической науки.

Правовой дискурс можно рассматривать как систему правовой коммуникации, где текст и язык играют ключевую роль. Дискурс неотделим от текста, и без текста невозможно представить себе правовую коммуникацию. Правовые тексты, будь то законы, нормативные акты или судебные решения, создаются с помощью языка и служат основой для правового мышления и действий.

Несмотря на наличие общих элементов, определения правового дискурса могут значительно различаться. Некоторые исследователи акцентируют внимание на его функциональной стороне, подчеркивая роль правового дискурса в формировании правосознания и правовой культуры.

Литература:

1. Александров, А. С. Язык уголовного судопроизводства / А. С. Александров. — Н. Новгород: Нижегород. правовая акад., 2001. — 143 с. — ISBN 5-8263-0016-7. Текст: непосредственный.
2. Алексеев, С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. — Москва: Статут, 1999. — 709 с. — ISBN 5-8354-0002-0. Текст: непосредственный.
3. Морозова Л. А. Судебная реформа и юридический профессионализм / Л. А. Морозова // Государство и право. — 1994. — № 3. — С. 134–136. Текст: непосредственный.

4. Розин, В. М. Генезис права: методологический и культурологический анализ / В. М. Розин // *NOTA BENE*. — 2003. — № 3 — С. 9. Текст: непосредственный.

Объективность, предметность, обоснованность, достоверность, методологическое обеспечение как необходимые критерии научного юридического знания

Тонких Алексей Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В данной статье рассмотрены основные критерии, совокупность которых представляет из себя необходимые критерии для формирования единого научного юридического знания.

Ключевые слова: судебное решение, юриспруденция, методология, юридическое знание, объективность.

Научное юридическое знание — это не просто совокупность правовых норм и интерпретаций. Это сложная система, построенная на строгих принципах, обеспечивающих ее объективность, практическую значимость и надежность. Ключевыми критериями, закладывающими фундамент научного подхода к праву, являются объективность, предметность, обоснованность, достоверность и методологическое обеспечение.

Для многих объективность синоним справедливости, незыблемого порядка, предсказуемости. Мы воспринимаем его как объективную силу, выражение высшей воли — будь то божественная, законодательная или естественно-правовая. Эта вера в объективность права, присущая множеству юридических и философских концепций, от естественно-правовых до позитивистских, дает ощущение безопасности и стабильности. Она обещает, что действия людей будут подчинены предсказуемым правилам, основанным на неизменных константах. Именно этой предсказуемости, защите от произвола и субъективизма мы ждем от правовой системы.

Однако эта объективность, стремление к унификации и ограничению индивидуального выбора в пользу общего блага, вступает в конфликт с другой фундаментальной ценностью — свободой. Свобода, в свою очередь, предполагает возможность выбора, вариативность развития, отклонение от жестко заданных рамок. Этот конфликт между объективностью и свободой составляет сердцевину многих философских споров в области права, формируя два основных вектора его развития.

Объективность права, ограничивая свободу выбора, может привести к подавлению индивидуальности и торможению прогресса. Свобода без ограничений, с другой стороны, может привести к хаосу и анархии, подрывая саму основу правопорядка. Конечно, эта поляризация не абсолютна. Философы предлагали различные подходы к разрешению этого конфликта.

Гегель, например, видел свободу как «познанную необходимость», где субъективное стремление индивида гар-

монично вписывается в объективную логику исторического развития. Марксизм также предлагал свое решение, рассматривая объективное развитие общественных формаций как результат субъективной деятельности людей.

В этих концепциях объективность и субъективность не противостоят друг другу, а представляют собой взаимосвязанные и взаимообусловленные стороны единого процесса.

Абсолютная объективность угнетает свободу, абсолютная свобода разрушает порядок. Задача состоит в поиске оптимального сочетания этих принципов, в создании правовой системы, которая обеспечивает как предсказуемость и безопасность, так и достаточный уровень свободы для индивидуального развития и самореализации.

Отечественная процессуальная мысль активно развивается в направлении принципа объективной истины и объективность уже рассматривается в перечне требований к судебному решению, наравне с полнотой, законностью, определенностью, соблюдением процессуальной формы и обоснованностью.

Исходя из данного понимания возникновения объективности юридического знания формируется соответствующая необходимость в достоверности и обоснованности, как гарантии соблюдения основ. Другими словами, объективность более широкое понятие, формируемое критериями обоснованности и достоверности.

Что касается методологии, то методология в целом может быть охарактеризована как система принципов, методов и средств, которые используются для исследования и понимания объектов изучения. В контексте юридической науки методология включает в себя не только специфические методы, применяемые в правоведении, но и более широкие философские и мировоззренческие подходы.

Неоднозначность в понимании методологии юридического познания подтверждается мнением М. В. Рца, который подчеркивает, что каждый «ученый может интер-

претировать методологию по-своему». Это утверждение указывает на то, что методология права не имеет единого авторитетного определения, и ее содержание может варьироваться в зависимости от философских, социологических и правовых традиций.

Р. С. Белкин также акцентирует внимание на важности философского аспекта методологии, утверждая, что «отождествление методологии с набором методов может привести к упрощению и снижению значения диалектического материализма».

О. Д. Третьякова выделяет несколько ключевых характеристик методологии, которые помогают лучше понять ее структуру и функции. Во-первых, методология должна рассматриваться как единая органическая система, которая включает в себя не только методы, но и философские основы. Во-вторых, методология юридического познания является динамичной и эволюционирующей системой, которая адаптируется к изменениям в правовой действительности и общественных условиях.

Также, необходимо учитывать, что методология юридического знания неотделима от практики. Хотя она и не сводится к методам научных исследований, между

ними существует тесная взаимосвязь. Методология обеспечивает теоретическую основу, на которой строятся практические рекомендации и действия. Это единство познавательной, объяснительной, эвристической и прогностической функций.

Подводя итог можно отметить, что методология в данном случае отвечает требованиям формирования основы для научного юридического знания, поскольку, совокупностью своих норм устанавливает теоретические основы, для применения науки на практике. Метод должен быть подлинно научным, истинным, то есть вытекать из достижений практики, отражать объективные законы бытия, учитывать особенности предмета изучения, адекватно отражаться в сознании субъекта.

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что объективность, обоснованность, достоверность, а также методологическое обеспечение являются обязательными критериями научного юридического знания. Научное юридическое знание, в отличие от обыденных представлений о праве, должно отвечать ряду строгих критериев, представленные в данном случае четкими требованиями.

Литература:

1. Винниченко, О. Ю. Методология юриспруденции: кризис или новые возможности? / О. Ю. Винниченко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2015. — Т. 1. — № 2 (2). — С. 90–96. — Текст: непосредственный
2. Губанов, Н. И. Критерии некоторых аспектов научного знания / Н. И. Губанов, Н. Н. Губанов, Н. Г. Третьяков // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. — 2016. — № 1 — С. 25–33. — Текст: непосредственный.
3. Пивоев В. М. Социальные и гуманитарные науки: специфика и соотношение / В. М. Пивоев // Вестник Ишимского госпединститута им. П. П. Ершова. — 2013. — № 3. — С. 91–101. — Текст: непосредственный.
4. Сорокин, В. В. Позитивистский подход к правопониманию: опыт, перспективы // Юридическое образование и наука, 2006, — № 4. — С. 55. — Текст: непосредственный

Проект научной юриспруденции в школе естественного права (Г. Гроций, Т. Гоббс, и др.): абстрактные понятия догматической юриспруденции и идеальные понятия классической науки

Тонких Алексей Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье описываются основы формирования проекта научной юриспруденции в школе естественного права и взаимодействие их с абстрактными понятиями догматической юриспруденции, а также место идеальных понятий классической науки в истории и системе права.

Ключевые слова: догматическая юриспруденция, Гроций, естественное право, идеальное понятие, классическая наука, правовая коллизия.

Естественное право — это концепция, которая имеет глубокие философские и этические корни, уходящие в античные времена. Обсуждение вопросов права и спра-

ведливости велось еще древнегреческими мыслителями, такими как Платон и Аристотель. Они пытались понять, каковы природа человека и его место в обществе,

что в свою очередь стало основой для формирования более систематизированных теорий в последующие века.

В XVII и XVIII веках, в период буржуазных революций, концепция естественного права начала обретать четкие очертания. Одним из ключевых фигур этого времени стал голландский юрист и философ Гуго Гроций, которого часто называют «отцом естественного права».

В числе выдающихся мыслителей, которые также внесли значительный вклад в развитие естественно-правового учения, можно упомянуть таких философов, как Бенедикт Спиноза, Томас Гоббс, Джон Локк, Шарль Монтескье и Жан-Жак Руссо.

В XX веке учение о естественном праве стало возрождаться и в настоящее время продолжает оставаться одним из самых влиятельных направлений в правоведении, а также основой для современной теории прав человека. В отличие от античных философов, которые понимали естественное право как проявление законов природы в поведении людей, создатели классической школы интерпретировали его как требования человеческого разума, корнящиеся в самой природе человека.

К числу таких требований они относили несколько ключевых принципов, которые стали основой для формирования правового сознания. Прежде всего, это принципы, касающиеся уважения чужой собственности, обязательства возвращать то, что не принадлежит, необходимость возмещать причиненный вред, выполнение обещаний и соблюдение договоров.

Также важным аспектом является идея о том, что заслуженное наказание должно быть применимо к тем, кто нарушает эти принципы. Естественные права человека, согласно сторонникам этой школы, включают в себя право на жизнь, честь и достоинство, но особенно выделяется право на частную собственность. Частная собственность рассматривалась как проявление человеческого совершенства и конечная цель развития личности, высшая форма реализации разума и всех потенциальных возможностей человека.

Классическая концепция естественного права утверждает, что оно представляет собой идеальную норму, основанную на природе человека и, следовательно, является неизменной. В отличие от этого, положительное право зависит от человеческих установлений и подвержено изменениям.

Философ И. Кант в своих работах глубоко исследовал вопросы свободы личности, её достоинства и автономии воли. Его идеи стали основой для дальнейшего развития концепции естественного права.

Это понимание было продолжено и углублено в трудах П. И. Новгородцева, который обосновал возможность возрождения идеи естественного права, предложив новый подход к её интерпретации. Новгородцев считал, что естественное право следует рассматривать как идеальный нравственный закон.

В отличие от предыдущих концепций, в которых закон определялся как набор юридических норм, основанных

на общем наследии человечества, его подход акцентировал внимание на моральной стороне права. Он утверждал, что право и закон не могут быть сведены к простому совпадению; они должны основываться на более высоких нравственных принципах, которые отражают идеалы справедливости и добродетели.

Историческое развитие концепции естественного права также играет важную роль в понимании её сущности. Ранее существовавшие интерпретации естественного права часто рассматривали его как нечто неизменное и постоянное.

Однако со временем стало очевидно, что исторический процесс вносит свои коррективы и изменения в понимание этого права. В рамках существующей концепции естественного права исторические изменения, различия и особенности понимались как результат случайных факторов, а не как следствие глубоких нравственных изменений, происходящих в обществе.

Говоря о историческом развитии права особенно актуальным является вопрос абстрактного понятия догматической юриспруденции.

Догматическая юриспруденция занимает важное место в сфере правоведения, формируя логико-теоретические схемы, которые служат основой для создания и реализации нормативно-правовых положений. Важно отметить, что именно догматическая доктрина определяет, как законодатели воспринимают и интерпретируют позитивное право, что, в свою очередь, влияет на формирование законодательных актов.

Существует несколько факторов, способствующих повышению интереса к юридической догматике. Во-первых, это стабилизация правопорядка в Российской Федерации, которая требует четкой и последовательной интерпретации правовых норм. Во-вторых, хаотизация международных отношений, вызванная политическими и экономическими кризисами.

Одной из особенностей юридической догматики является использование абстрактных понятий, которые делают данный подход более гибким и адаптированным к реальным условиям. Эти понятия не только помогают в систематизации правовых норм, но и служат основой для принятия взвешенных решений в сложных правовых ситуациях. Например, такие концепции, как «справедливость», «равенство» и «права человека», играют важную роль в формировании правовых позиций и интерпретации нормативных актов.

Юридическая догматика, как научное знание, обладает статусом доктрины, поскольку занимается изучением и концептуализацией специфического объекта — догмы права. Догматическая доктрина формирует логико-теоретические схемы, которые помогают в создании и реализации адекватных позиций законодателя относительно нормативно-правовых положений.

Несмотря на универсальность существующих догм права, в условиях действующей глобализации и развития международных отношений стоит учитывать, что догма права в подавляющем большинстве берет свое

развитие именно с правовой системы конкретного государства. С одной стороны, развитие права в данном случае становится многогранным, с другой стороны, это подтверждает абстрактность существующих догм, что в свою очередь ставит под сомнение их универсальность.

Проводя аналогии с существующими догмами, а также нормами естественного права, можно с уверенностью говорить, что эти два направления в большей степени между собой связаны. Г. Гегель утверждал, что «право состоит в том, что наличное бытие — это наличное бытия свободной воли». Такой подход исключает дуализм метода, утверждая, что правовые нормы должны быть поняты через призму их идеального содержания. Тем не менее, критики этой теории указывают на её ограниченность. Факты и их анализ, по мнению некоторых исследователей, не способны дать полное представление о социальных ценностях.

То же самое происходит и при рассмотрении вопроса существующих догм права. Каждая из сторон определяет нормы в равной степени, однако, различия скорее касаются исторической разницы в развитии общества.

Идеальные понятия юриспруденции в свою очередь не применяются ни в какой степени как самостоятельная действующая часть юриспруденции. Ее использование охарактеризована скорее как очень важное дополнение, совокупностью норм которых регулирует ту область, которую естественное право и догмы не способны закрыть.

Таким образом, проект научной юриспруденции в школе естественного права, а также абстрактные понятия догматической юриспруденции тесно переплетаются и имеют корни в равной степени важности. Благодаря этим основам проводится развитие законодательства и его смещение. А благодаря идеальным понятиям юриспруденции затмевается та часть, которую естественное право и догмы не способны регулировать.

Литература:

1. Краевский, А. А. Между холизмом и реализмом: две теории юридических коллизий Г. Кельзена / А. А. Краевский // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки — 2025 — Т. 29. — № 1. — С. 117–134. Текст: непосредственный
2. Винниченко, О. Ю. Методология юриспруденции: кризис или новые возможности? / О. Ю. Винниченко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2015. — Т. 1. — № 2 (2). — С. 90–96. Текст: непосредственный
3. Гроций, Г. Пролегомены к трем книгам о праве войны и мира. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Пер. с лат. А. Л. Саккетти. М., — 1994. — С. 46–50. Текст: непосредственный
4. Едренова, В. Н., Овчаров А. О. Методы, методология и логика научных исследований // Экономический анализ: теория и практика. — 2013. — № 9. — С. 14–23. Текст: непосредственный
5. Сорокин, В. В. Позитивистский подход к правопониманию: опыт, перспективы // Юридическое образование и наука, 2006, — № 4. — С. 55. Текст: непосредственный

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Полицейское право как юридическая наука и учебная дисциплина

Михайлов Георгий Олегович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье исследуется эволюция полицейского права как юридической науки и учебной дисциплины. Проводится анализ развития полицейского права и его интеграции в административное право.

Ключевые слова: полицейское право, административное право, полиция благосостояния, полиция безопасности.

Обогащение теоретического понимания структуры управления государством, реализующей защиту персональных прав и интересов, происходит за счет вдумчивого изучения истории эволюции полицейских функций. Анализ политико-правовых концепций, отражающих nature данных функций, вносит вклад в основательное усиление доверия со стороны граждан [2].

В XVIII веке возникло новое понимание роли полиции, с передачей части полномочий от государства к обществу, обладавшему ранее значительными полномочиями. Это способствовало развитию двух главных направлений в деятельности полиции: обеспечение безопасности и выполнение социальных функций. В сфере безопасности государство оставалось лидирующей силой, тогда как в социальной сфере общество создавало разнообразные организации. Отличие полицейского государства заключалось в отсутствии четкого разграничения между законодательной и исполнительной властью, что иногда вело к установлению диктатуры. В противоположность этому, правовое государство характеризовалось четким разделением властей, процедурами контроля и защитой прав и свобод граждан, обусловленной взаимной ответственностью между государством и личностью.

Изучение полицейского права сфокусировано на анализе принципов законности в рамках экономической поддержки состояния общества и государства, при этом основная цель — способствование общественному благополучию.

Эпоха Петра Первого стала временем значительного развития для правоохранительной структуры России, что произошло под воздействием прусско-правовых концепций, активно распространенных И. Г. Юсти. Этому факту способствовала также Юстиниановская формулировка принципа централизации власти, интегрирующей законодательные и исполнительные обязанности. В аналитических работах И. Г. Юст был последователем Зонненфельса Й., отвергавшего суждения раздельности

властей англо-французского типа и осуждавшего концепции конституционализма [4].

В XIX веке в российском университетском пространстве начали функционировать кафедры, посвященные законам благоустройства и благочиния. На этих кафедрах И. Х. Бунге и И. Е. Андреевский разработали учебные пособия по «Полицейскому праву», освещая сугубо две направленности: полицию благосостояния и полицию безопасности. В соответствии с уставом университета 1863 года, предписание велело все ведущие университеты — Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский, Казанский и Университет святого Владимира в Киеве — обеспечить преподавание полицейского права на кафедрах недавно открытых кафедр благоустройства и благочиния [11].

К завершению XIX столетия И. Т. Тарасов вместе с Е. Н. Берендцом, будучи преподавателями Демидовского юридического лицея, произвели разработку дидактических материалов, нацеленных на полицейское и административное право. Изучение и пересмотренные правовые нормы способствовали установлению связей между административным законодательством и полицейскими законами.

В период XIX–XX веков тезисы Н. П. Шульце-Гавербек ориентировались на трансформацию функций полицейского права в политическое администрирование с помощью административного права. Он утверждал, что административное право должно сосредоточиться на политически ориентированном управлении для повышения эффективности в широком масштабе управленческих структур. Ключ к успешному функционированию отражается в замещении традиционного полицейского права на административное, с пересмотра сущности и предметов соответствующей дисциплины [7].

До зари двадцатого столетия в академическом мире «Полицейское право» функционировало как независимое направление в праве. Включённое в образовательные курсы юрфаков, оно ориентировалось на государственное

управление, обусловленное стремлением поддерживать культурные устремления населения, а также обеспечивать различные потребности его благополучия. Кроме того, оказывалось подспорье по поддержанию общественного порядка и спокойствия, что считалось необходимым для благоприятного совместного существования [3].

С течением времени практические обязанности социальной полиции сократились вследствие передачи многих из них другим государственным структурам, занимающимся элементами социальной защиты. Это изменение привело к расширению функционала полиции безопасности, фокусирующей действия теперь как в области публичной, так и приватной сфер, что считается необходимым для гармоничного развития личности и общества. Сторонники этого процесса отмечают, что обязанности по управлению промышленностью, обслуживанию в транспорте, ремесленному производству и медицинской деятельности, ранее находившиеся под присмотром полиции, вышли за рамки её полномочий. В последующие периоды, полицейское право переопределили как элемент административного права, подчеркнув его статус среди ключевых правовых институтов, при этом поставили его на равные права с другими административными нормами.

Научная концепция в области полицейского права получила новое видение и была тесно связана с административным правом. В рамках исследований, проведенных И. Т. Тарасовым, был осуществлен анализ функций и структуры полицейских органов, а также раз-

нообразных направлений и секторов их деятельности. Исследования, выполненные российскими учеными, позволили выделить как общие, так и частные разделы в данной области. К общим аспектам отнесены вопросы, связанные с ответственностью, контролем и надзором, регулирующими исполнительную и принудительную власть. Частные разделы охватывают различные сферы деятельности полиции, имеющие как универсальное, так и специфическое значение, включая такие области как обеспечение общественной безопасности, освещение, а также добывающая, обрабатывающая и торговая промышленность [6].

В эпоху до революционных изменений, в научных работах Ю. П. Соловьева проводится акцент на широкую популярность термина «полиция» в России, которая охватывала все аспекты государственной деятельности, абстрагируя между материальными и духовными интересами граждан. Результирующее от такого обширного определения, полицейское право оказывалось мало структурированным и нечетко определенным в различных направлениях юридической науки [5].

До наступления революции в Российской Империи юридическая наука, наименованная как «Полицейское право», постепенно развивалась, приняла статус учебной дисциплины и впоследствии интегрировалась в различные юридические отрасли, что стало важным моментом в развитии государственной и правовой системы страны.

Литература:

1. Андреевский И. Е. Полицейское право. Т. 2. СПб., 1972–1874. 727 с.
2. Веженина И. В. Теоретические и историко-правовые основы деятельности полиции Великобритании: Автореферат дис. ... канд. юрид. Наук. М., 2019. 27 с.
3. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: Пособие для студентов / 4-е изд. — Петроград: Сенат. Тип., 1917. — 524 с.
4. Зонненфельс И. Начальные основания полиции или благочиния. — М.: Университетская типография Н. Новикова, 1787. С. 35–39.
5. Соловей Ю. П. Российское полицейское право: история и современность // Государство и право. 1995. № 6. С. 75–82.
6. Тарасов И. Т., Бунге Н. Х. Полицейское право. Введение в государственное благоустройство. / Т. 1. Курс, читанный в Университете Св. Владимира. Киев, 1869–1873.
7. Петражицкий Л. И. Полицейское право // Право. 1898. № 3. С. 18–22.
8. Шпилевский М. М. Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоведения / Одесса: тип. Ульриха и Шульце, 1875. 196 с.
9. Червонюк В. И. Современное полицейское право в контексте правовой государственности // Вестник московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 61–66.
10. Юсти И. Г. Основание силы и благосостояния царств или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния / Пер. И. Богаевского. Ч. 1–4. СПб., 1772–1778.
11. Общий устав и штаты императорских Российских университетов с примечаниями, в коих указаны позднейшие постановления и распоряжения правительства. — Текст: электронный // Российская государственная библиотека: [сайт]. — URL: (дата обращения: 01.05.2025).

Справедливость в истории правовой мысли. Уравнивающая и распределяющая справедливость. Современные интерпретации идеи справедливости

Тонких Алексей Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье рассматриваются основные идеи справедливости в истории человеческой культуры, а также в рамках современного общества, в том числе действующего законодательства.

Ключевые слова: гуманизм, око за око, справедливость, УК РФ, ГК РФ, принцип Талиона, законодательство.

Справедливость (с лат. «Equitas»), является краеугольным камнем правовой системы и важнейшим понятием в правовом государстве. Принцип справедливости не только формирует правовые нормы, но и служит нравственным ориентиром для общества. Его значение простирается далеко за пределы юридических текстов, проникая в духовно-нравственные ценности и социальные порядки. Этот принцип на протяжении веков определял развитие человечества и его правовых институтов.

Одной из первых форм, в которой принцип справедливости был закреплен, стало талионное право *Jus Talionis*. Это правовой принцип, существующий с древних времён, основывался на идее «око за око, зуб за зуб». Он отражал представление о том, что наказание должно быть пропорционально преступлению, что, в свою очередь, служило основой для формирования более сложных правовых систем.

Сократ, один из первых философов Древней Греции, подчеркивал важность справедливости, считая её «предметом драгоценнее всякого золота». Для него справедливость была не просто моральной категорией, но и основой человеческого существования. Платон, ученик Сократа, развил эти идеи в своем труде «Государство», где справедливость стала краеугольным камнем идеального общества. Он утверждал, что справедливость достигается, когда каждый человек выполняет свою роль в обществе.

Аристотель, продолжая философскую традицию своих предшественников, выделял два типа справедливости: уравнивающую и распределяющую. Уравнивающая справедливость касается равенства и справедливого распределения ресурсов, тогда как распределяющая справедливость связана с тем, как общество вознаграждает индивидуальные заслуги и достижения.

Распределяющая справедливость касается сферы распределения ресурсов, наград, почестей и богатств. Аристотель утверждал, что справедливо распределять блага в зависимости от достоинств и заслуг индивидов.

Уравнивающая справедливость, в свою очередь, делится на две основные категории: справедливость добровольного обмена и справедливость недобровольного претерпевания страданий.

Первый тип справедливости связан с договорами и свободным обменом. В идеале, когда два человека всту-

пают в сделку, они обмениваются благами или услугами на основе взаимной выгоды.

Второй тип справедливости касается случаев, когда одна сторона страдает от действий другой. Например, если кто-то понес ущерб из-за действий другого человека, то справедливость требует, чтобы тот, кто причинил вред, понес наказание или компенсировал ущерб.

Мыслители Древнего Рима, такие как Ульпиан, рассматривали право и справедливость как неразрывные понятия. Они определяли справедливость как неизменную волю предоставлять каждому его право: жить честно и не причинять вреда другим. Это понимание справедливости легло в основу римского права.

Философ Нового времени Ф. Бэкон предложил практическое определение справедливости, утверждая, что она состоит в том, чтобы не делать другому того, чего не желаешь себе. Это понимание справедливости акцентирует внимание на личной ответственности и моральных обязательствах, что, в свою очередь, подчеркивает субъективный характер справедливости.

Современные теории справедливости, такие как концепции Т.М. Клименко, рассматривают право как средство социального компромисса. В этом контексте справедливость становится неотъемлемой частью правовой системы, способствующей достижению согласия среди различных социальных групп.

Справедливость — это концепция, которая пронизывает все религиозные учения, от древних восточных философий до современных авраамических верований. В каждой религии справедливость определяется по-своему, но в основе этих учений лежит идея воздаяния: за добродетели — награда, за грехи — наказание.

В индуизме, буддизме и джайнизме основополагающим понятием справедливости является карма. Это закон причинно-следственной связи, согласно которому каждое действие человека, будь то доброе или злое, приводит к соответствующим последствиям. В этом контексте справедливость не ограничивается лишь жизнью одного человека; она охватывает множество жизней через концепцию Сансары — цикла перерождений.

В христианстве, исламе и иудаизме концепция справедливости также связана с воздаянием, но с акцентом на божественный суд. В этих религиях справедливость часто ассоциируется с Судом Божиим, который про-

изойдет в конце времен. Этот Суд, известный как День Гнева (Dies Irae), представляет собой момент, когда каждый человек будет оценен за свои деяния.

В христианстве, например, учение о спасении и осуждении основано на вере в Иисуса Христа. Добродетельные поступки и вера в Бога ведут к вечной жизни, в то время как грехи без покаяния могут привести к вечным мукам. В исламе концепция справедливости также включает в себя весы, на которых будут взвешены добрые и злые дела каждого человека, что определит его судьбу в загробной жизни.

Принцип справедливости находит свое отражение в различных отраслях права, включая уголовное. В уголовном кодексе РФ, например, статья 6 закрепляет, что наказание должно быть справедливым. Уголовно-процессуальное законодательство также подчеркивает

важность справедливости. В статье 297 УПК РФ указано, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым.

Говоря про справедливость, задействованную в праве Российской Федерации, особое место занимает статья 14 ГК РФ. В данной статье подчеркивается «Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения» [1]. Данная норма буквально представляет собой воплощение принципа Талиона, который подразумевает возможность применения ответных мер, которые не будут превышать степень нарушения.

Таким образом, в настоящее время законодательство в достаточной мере отвечает нормам справедливости, устанавливая ряд норм, которые совокупностью помогают доносить традиционное понимание идеи гуманизма.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации: Федер. закон от 25 декабря 1993 г. № 237-ФЗ: принят Гос. Думой 12 декабря 1993 г.: [ред. от 13 января 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1993. — № 237. — Ст. 4398. — Текст: непосредственный.
2. Воробьев, А. С. Соотношение справедливости и права / А. С. Воробьев // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 11. — С. 23–26. — Текст: непосредственный.
3. Карапетов, А. Г. Свобода заключения договоров и ее пределы / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2012. — № 4. — С. 12–56. — Текст: непосредственный.
4. Курченко, П. А. Справедливость в праве: Историческая ретроспектива и современная роль / П. А. Курченко, А. В. Абрамов // Образование и право — 2017 — № 6. — С. 17–22. — Текст: непосредственный.
5. Савченко, Е. Я. Актуальные проблемы защиты гражданских прав: / Е. Я. Савченко // — Челябинский юридический институт МВД России, — 2015. — № 20. — С. 513. — Текст: непосредственный.

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Внутренние юридические инструменты защиты государственных интересов России

Утешева Лилия Ринатовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Белова Ирина Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент

Российский университет кооперации (г. Мытищи)

В статье рассмотрены теоретические основы защиты государственных интересов, существующая система правовых средств защиты государственных интересов в России. Отдельное внимание уделено одной из глобальных проблем — терроризму, с которым борются все страны. Раскрываются принципы, на которых базируются правовые средства, а также сама концепция защиты интересов государства в современном мире. Исследование направлено на анализ существующей системы, ее роль в современных условиях.

Ключевые слова: защита, интересы, безопасность, государство, угрозы, терроризм.

Internal legal means of protecting the interests of the State in modern conditions

The article examines the theoretical foundations of the protection of state interests, the existing system of legal means to protect state interests in Russia. Special attention is paid to one of the global problems — terrorism, which all countries are fighting. It reveals the principles on which legal means are based, as well as the very concept of protecting the interests of the state in the modern world. The research is aimed at analyzing the existing system and its role in modern conditions.

Keywords: Protection, interests, security, state, threats, terrorism.

Введение

В эпоху стремительных трансформаций на международной арене критически важным становится вопрос обеспечения правовой защиты национальных интересов государства. Активное развитие международных отношений порождает новые вызовы и угрозы, что делает необходимым корректировку и совершенствование существующих механизмов правовой защиты.

Особую актуальность приобретает детальное изучение и анализ действующих правовых инструментов, обеспечивающих защиту государственных интересов. В условиях глобализации крайне важно провести системный анализ существующих механизмов и выявить потенциальные пробелы в правовом регулировании. При этом центральное место в данном исследовании занимает рассмотрение внутренних правовых средств защиты национальных интересов.

Единая концепция изучения данной проблематики позволит не только оценить результативность действующих правовых механизмов, но и выработать рекомендации по их совершенствованию в соответствии

с современными вызовами международной повестки дня.

Теоретические основы защиты государственных интересов

Понятие и сущность государственных интересов.

В процессе изучения любого правового вопроса первостепенное значение имеет четкое определение базовых понятий и их сущностных характеристик. Государственные интересы представляют собой стратегические цели и задачи, направленные на обеспечение безопасности, стабильности и процветания государства, а также защиту благосостояния и прав граждан.

Данное определение базируется на исследованиях С. Н. Бабурина, изложенных в работе «Территория государства: правовые и геополитические проблемы» (М.: Юрист, 1997), где автор рассматривает государственные интересы через призму обеспечения территориальной целостности и безопасности государства.

Сущность государственных интересов

Сущность любого явления отражает его фундаментальную природу и определяющие характеристики.

В контексте государственного интереса его сущность представляет собой правовую форму выражения осознанной потребности общества в достижении общего блага под контролем государства.

Данная сущность проявляется через ряд ключевых признаков:

- Суверенитет как независимость в принятии решений
- Публичность как общезначимость интересов
- Единство как целостность государственной политики.

Государственные интересы характеризуются объективным характером, системностью и приоритетным положением в обеспечении важнейших потребностей государства. Их реализация возможна только при условии закрепления в правовых нормах и согласованного взаимодействия всех органов государственной власти.

Таким образом, государственные интересы представляют собой комплексное правовое явление, обеспечивающее единство и стабильность государственного развития через призму защиты национальных приоритетов и общественного блага.

Система правовых средств защиты государственных интересов

Конституционная основа защиты государственных интересов

Конституционное законодательство России формирует фундаментальную базу для защиты государственных интересов. Основной закон государства определяет ключевые параметры государственного устройства и механизмы защиты национальных интересов.

Базовые положения конституционного строя закреплены в следующих статьях:

Статья 1 устанавливает правовой статус Российской Федерации как демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления.

Статья 4 определяет территориальный суверенитет государства, подчеркивая, что РФ обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории.

Статья 5 регламентирует федеративное устройство страны, основанное на:

- государственной целостности
- единстве системы государственной власти
- разграничении полномочий между федеральными и региональными органами власти
- равноправии и самоопределении народов в РФ

Статья 15 закрепляет верховенство Конституции, определяя, что: Конституция обладает высшей юридической силой; имеет прямое действие; распространяется на всю территорию РФ; все иные нормативные акты не могут противоречить Конституции.

Таким образом, конституционное законодательство создает прочную правовую основу для защиты государственных интересов, определяя ключевые принципы государственного устройства и механизмы обеспечения территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации [1].

В условиях современности обеспечение государственной безопасности требует комплексного подхода, поскольку потенциальные угрозы могут исходить из различных источников: от внешних агрессий до экологических катастроф и террористических актов.

Законодательное регулирование данной сферы получило развитие с принятием Федерального закона «О безопасности» 7 декабря 2010 года. В первой статье закона четко определены ключевые направления регулирования: безопасность государства; общественная безопасность; экологическая безопасность; безопасность личности.

Принципы обеспечения безопасности, закрепленные во второй статье закона, включают: защиту прав и свобод граждан; соблюдение законности; системный подход к применению мер; приоритет превентивных действий; взаимодействие государственных органов с общественными организациями.

Механизм реализации государственной политики в сфере безопасности охватывает следующие направления:

- прогнозирование и анализ потенциальных угроз
- разработка стратегических планов
- создание правовой базы
- применение специальных экономических мер
- развитие современных систем вооружения
- координация работы органов власти
- обеспечение финансирования мероприятий по безопасности

Важно отметить, что государственная политика в области безопасности является неотъемлемой частью как внутренней, так и внешней политики Российской Федерации, что подчеркивает ее стратегическое значение для развития государства в целом [2].

В условиях активного развития процессов глобализации Россия, как часть мирового сообщества, сталкивается с возрастающими и усложняющимися угрозами безопасности. Современные вызовы требуют от государства комплексного подхода к защите национальных интересов, включающего как противодействие внешним угрозам, так и решение внутренних проблем.

Стратегическое направление развития страны четко определено в Указе Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400, где в пункте 1 закреплено приоритетное значение укрепления суверенной государственности России. Это подразумевает:

- Способность государства проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику
- Эффективное противодействие попыткам внешнего давления
- Обеспечение самостоятельности в принятии ключевых государственных решений.

Таким образом, укрепление суверенитета становится основополагающим фактором национальной безопасности, позволяющим России сохранять свою уникальность и эффективно противостоять современным вызовам в условиях глобализации мирового пространства [3].

Важным элементом системы обеспечения национальной безопасности является Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении», регламентирующий особый порядок реагирования государства на кризисные ситуации.

Механизм введения чрезвычайного положения предусматривает следующие процедуры:

Право Президента РФ на введение чрезвычайного положения как на всей территории страны, так и в отдельных регионах

Необходимость утверждения указа Президента Советом Федерации.

Специальные меры и ограничения в период действия чрезвычайного положения включают: установление особого режима въезда и выезда с территории; усиленный контроль за функционированием стратегически важных объектов; ограничение движения транспортных средств; введение специального режима оборота оружия и специальных средств. Все эти меры направлены на обеспечение государственных интересов и поддержание необходимого уровня безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций, позволяя эффективно реагировать на возникающие угрозы и восстанавливать нормальный режим функционирования государственных институтов [4].

Терроризм представляет собой одну из наиболее острых глобальных проблем современности. Эта угроза не знает границ и может затронуть любую страну, независимо от её географического положения, уровня развития или политической системы.

Важно понимать, что терроризм является не внешним явлением, а проблемой, которая зарождается внутри самого общества. Его появление и развитие тесно связано с определенными этапами социального развития, когда в обществе накапливаются противоречия и конфликты, способные привести к радикализации отдельных групп населения.

Масштабность угрозы заключается в том, что ни одно государство в мире не может быть полностью защищено от террористических актов. Терроризм становится транснациональной проблемой, способной дестабилизировать ситуацию как в отдельных странах, так и в целых регионах, что делает его одной из самых серьезных угроз международной безопасности [5].

Правовая база противодействия терроризму в России формируется на нескольких уровнях:

- Конституция Российской Федерации
- Международные принципы и договоры
- Федеральный закон «О противодействии терроризму»
- Нормативные акты Президента и Правительства РФ
- Законодательные акты федеральных органов власти [6].

Основные принципы противодействия терроризму, закрепленные в статье 2 соответствующего закона:

- Приоритетная защита прав граждан, находящихся в зоне риска

- Неотвратимость наказания за террористическую деятельность
- Системный подход к применению различных мер противодействия
- Акцент на предупреждении террористических актов
- Сочетание открытых и закрытых методов борьбы [6].

Национальный антитеррористический комитет был создан согласно Указу Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» для совершенствования системы государственного управления в сфере противодействия терроризму.

Федеральная служба безопасности (ФСБ) представляет собой важнейший государственный орган, обеспечивающий национальную безопасность России. Являясь единой централизованной системой, ФСБ осуществляет комплексную защиту интересов государства по нескольким стратегическим направлениям:

- Антитеррористическая деятельность — противодействие террористическим угрозам и экстремизму
- Правоохранительная функция — борьба с особо опасными преступлениями против государства
- Разведка — сбор и анализ информации в интересах национальной безопасности
- Пограничная служба — защита и охрана государственной границы
- Информационная безопасность — защита государственных информационных ресурсов
- Правовое регулирование деятельности ФСБ осуществляется на двух уровнях: Национальное законодательство Российской Федерации и Международные договоры, ратифицированные РФ.

Такая многоуровневая система контроля обеспечивает эффективное функционирование службы в интересах государственной безопасности при строгом соблюдении законности и международных обязательств России [7]. Несмотря на закрытый характер большинства операций, правовой фундамент работы службы достаточно обширен и детально регламентирует все аспекты её функционирования.

Заключение

В последние годы Российская Федерация переживает сложное время на мировой арене. Санкции, блокировка торговых секторов, провокации недружественных стран, и многие иные подобные факторы, привели к тому, что ряд международных договоров прекратили действие в отношении РФ, однако Россия имеет надежную, четко проработанную, внутреннюю структуру правовых средств защиты интересов государства в современных условиях. Россия никогда не переставала быть страной с суверенным голосом. Несмотря на внешнее давление, попытки изоляции, Российская Федерация остается активным участником, опираясь на стратегические партнерства, честный диалог и взаимное, уважительное сотруд-

ничество. Это не изоляция — это переориентация. Это не ослабление — это укрепление суверенитета. И в этом новом историческом цикле Россия будет не ведомой, а ведущей. Нарушить международную стабильность

легко — построить ее заново под силу только сильным. И Россия — одна из таких стран, это мы видим на анализе внутренних правовых средств защиты интересов нашего государства.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);
2. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 N 390-ФЗ (последняя редакция);
3. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»
4. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении»;
5. Научная статья «Терроризм как глобальная проблема современности» // Кандидат юридических наук М. А. Нагоева;
6. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ;
7. Федеральный закон от 03.04.1995 N 40-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О федеральной службе безопасности».

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Легальная покупка и продажа аккаунтов в сети Интернет

Маковская Дана Николаевна, студент

Колледж Ростовского государственного экономического университета

В статье рассмотрены проблемы, связанные с законодательным закреплением возможности покупки и продажи Интернет-аккаунтов. Предлагается классификация аккаунтов. Предлагается разделить все Интернет-аккаунты на три группы в зависимости от их функций в сети Интернет. Предполагается, что аккаунты, выполняющие функции доступа в некоторую автоматизированную систему, а также почтовые аккаунты, не могут быть предметом купли-продажи. При этом аккаунты типа страниц в социальных сетях вполне могут быть предметом покупки и продажи, в связи с чем представляется целесообразным законодательное закрепление такой возможности.

Ключевые слова: Интернет-аккаунт, классификация Интернет-аккаунтов, группы аккаунтов, законодательное закрепление возможности продажи, автоматизированная система, сайт, социальная сеть, профиль в социальной сети.

Legal purchase and sale of accounts in the Internet

The article discusses the problems associated with the legislative consolidation of the possibility of buying and selling Internet-accounts. It is proposed to divide all Internet-accounts into three groups depending on their functions in the Internet. It is assumed that accounts that perform the functions of access to some automated system, as well as email accounts, cannot be the subject of purchase and sale. At the same time, accounts such as pages in social networks can be the subject of purchase and sale, which is why it seems appropriate to legislate this possibility.

Keywords: Internet-account, classification of Internet-accounts, groups of accounts, legal regulation of the possibility of sale, automated system, website, social network, profile in a social network.

В настоящее время бизнес активно реализует себя во всемирной сети Интернет, используя специфические возможности цифрового пространства. Естественно, что новые возможности сети Интернет порождают и новые юридические проблемы, которые не встречались ранее, при «классическом» ведении бизнеса вне Интернета. Так, проблемным является вопрос о праве на доменные имена, то есть имена Интернет-сайтов. Одной из первых данную проблему (с точки зрения правовой природы доменных имен), а также смежные вопросы детально рассматривала в своих работах [1] — [8] Пархоменко П. Н. с соавторами, заложив тем самым основу для дальнейших исследований правовых проблем цифрового бизнеса.

В нынешний период существенную роль в жизни цифровой экономики стали играть Интернет-аккаунты, в связи с чем закономерно возникают вопросы о целесообразности и возможности введения их в гражданский оборот, в том числе путем легальной купли-продажи [9].

При этом мы не будем рассматривать случаи передачи (продажи) аккаунта от законного владельца иному лицу для совершения противозаконных действий. В данной

работе мы обсуждаем теоретическую возможность продажи аккаунтов исключительно для реализации легальной предпринимательской деятельности, в том числе, Интернет-торговли.

Юридически строгого определения аккаунта на данный момент не существует, однако обобщая мнения многих исследователей [10] — [13], под аккаунтом будем понимать учетную запись, которая заводится для конкретного пользователя при его регистрации в некоторой электронной системе.

Аккаунт является средством идентификации пользователя и содержит определенный информационный массив, отраженный в виртуальной форме в рамках информационной системы. Этот информационный массив может содержать идентифицирующие пользователя сведения; его контактные данные; дополнительную информацию (например, историю заказов или покупок, просмотренные Интернет-страницы, сведения о его активности в сети и т. д.). Можно сказать, что аккаунт является универсальным средством идентификации пользователя, а некоторый ресурс в Интернете (портал, сайт) выступает как площадка, на которой существует аккаунт [10].

Одной из площадок существования аккаунтов являются социальные сети типа «ВКонтакте» (VK), «Одноклассники» и другие. По данным на 2025 год, аудитория сети «ВКонтакте» составляет более 100 млн человек, при этом до 48% от всех зарегистрированных участников используют сеть «ВКонтакте» каждый день. Для аккаунтов в социальных сетях типа «ВКонтакте» или «Одноклассники» характерно именно их креативное использование: размещение в них различного контента (фотографии, видеоролики, статьи, аудиозаписи, клипы), вовлечение аккаунтов в разные группы и сообщества внутри сети, обмен постами и медиафайлами как через личные сообщения, так и через записи в ленте, «на стене» и т. д.

В работе [14] отмечается, что с правовой точки зрения аккаунт фактически находится на стыке имущественных прав: сама площадка, в которой зарегистрирован аккаунт, принадлежит социальной сети, а содержащийся в аккаунте контент — пользователю. Оба субъекта при этом взаимно предоставляют друг другу право пользования интеллектуальной собственностью [14].

Автор статьи [15] отмечает, что при регистрации Интернет-аккаунта в социальной сети его материальная ценность равняется нулю, так как на момент регистрации аккаунт не содержит какой-либо значимой информации. С течением времени, когда такая информация появляется, так или иначе эта информация начинает представлять материальную ценность для пользователя [15]. Такая информация может выражаться в виде опубликованных результатов интеллектуальной деятельности (например, в виде удачных фотографий или клипов с миллионными просмотрами и полученными комментариями), количестве подписчиков или «друзей» (которые могут выступать в качестве потенциальной клиентской базы для бизнеса) и т. д.

Аккаунт является не просто совокупностью различных постов в виде фотографий и текстовых заметок, поскольку подбор, редактирование и размещение этих материалов несомненно является результатом значительного творческого труда. При этом вполне естественным может выглядеть желание владельца бизнеса продать либо купить такой популярный аккаунт.

В судебной практике встречается квалификация аккаунта как объекта гражданско-правовых отношений (в составе элементов договора купли-продажи бизнеса) [10] — [12]. Следует отметить, что специального законодательства в этой сфере (купля-продажа аккаунта) на данный момент не существует, как нет и прямого законодательного запрета на такие сделки. При этом следует учитывать, что некоторые социальные сети в своих правилах (соглашениях с пользователями) заранее оговаривают невозможность продажи аккаунтов пользователями.

Несмотря на свою специфичность и некоторые ограничения, аккаунты стали самостоятельными объектами гражданского оборота (например, бизнес-аккаунт, аккаунт — «личный бренд», «прокачанный» игровой аккаунт и т. д.).

Если рассматривать аккаунт как товар, пригодный для включения в гражданский оборот, то в отношении него обладатель может произвести, в частности, следующие юридически значимые действия: продажу «раскрученных» аккаунтов с большой аудиторией или предоставление аккаунта в пользование другим лицам [10]. Исходя из этого, аккаунт в социальных сетях расценивается судом как объект авторских и гражданских прав.

Проведем классификацию аккаунтов по следующим параметрам: возможность легального использования псевдонима; возможность размещения в аккаунте фото и видеоматериалов; возможность размещения в аккаунте информативных текстовых материалов (постов); возможность размещения в аккаунте рекламы; общий объем информации в аккаунте; креативность аккаунта.

По указанным параметрам были оценены следующие типы аккаунтов (условно обозначенные как A1 — A11):

A1 — аккаунты порталов Госуслуг и сайтов МФЦ;

A2 — личные кабинеты в банках;

A3 — личные кабинеты на сайтах поставщиков услуг (Водоканал, Электросети и др.), а также личные кабинеты на сайтах покупки авиа- и железнодорожных билетов, бронирования отелей и т. д.;

A4 — аккаунты в мессенджерах (WhatsApp, Viber, Telegram и др.);

A5 — аккаунты электронной почты (Yandex.ru; Mail.ru и др.);

A6 — аккаунты разнообразных онлайн-программ (типа фоторедакторов, переводчиков и др.), предоставляющих зарегистрированным пользователям более широкий функционал (возможности) программы;

A7 — профили на форумах и сайтах;

A8 — аккаунты в онлайн-играх;

A9 — аккаунты на нишевых специализированных сайтах (типа «Проза.ру», «Стихи.ру», «ФотоКто» и др.);

A10 — личные кабинеты на электронных маркетплейсах (Ozon, Avito, Wildberries и др.);

A11 — аккаунты в социальных сетях («ВКонтакте» (VK), «Одноклассники» и др.).

Понятно, что список типов аккаунтов может быть уточнен и расширен сверх приведенных одиннадцати типов, однако это обстоятельство не является принципиальным. Существенно важным моментом является то, что все предложенные типы аккаунтов A1 — A11 по указанным классификационным параметрам могут быть разделены на три большие группы, отражающие их главные функции, то есть, выполняемые ими роли в цифровом пространстве (см. таблицу 1).

К первой группе могут быть отнесены аккаунты типа A1-A3, которые содержат большой объем персональных данных о конкретном физическом лице, предоставляют право доступа в некоторую автоматизированную систему и при этом обладают практически нулевой креативностью.

К третьей группе могут быть отнесены аккаунты типа A7-A11, которые обладают значительным объемом размещенной рекламы, а также большим массивом опубли-

ликованных различных текстовых, фото- и видеоматериалов. Отличительной особенностью аккаунтов третьей группы является большая роль творческой, интеллектуальной деятельности владельца аккаунта в создании привлекательности такого аккаунта, его «раскрученности».

Промежуточное положение (вторая группа) занимают аккаунты типа А4-А6, которые хотя не относятся к строго формализованным средствам доступа в автоматизированные системы типа Госуслуг, МФЦ или банков, но при этом сами по себе обладают незначительной креативностью.

Таблица 1. Разбиение Интернет-аккаунтов на три группы

	A1	A2	A3	A4	A5	A6	A7	A8	A9	A10	A11
Возможность использования псевдонимов	Нет	Нет	Нет	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть
Возможность размещения фото и видео	Нет	Нет	Нет	Есть статус	Нет	Нет	Есть	Нет	Есть	Есть	Есть
Возможность размещения содержательных текстов	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Есть	Нет	Есть	Есть	Есть
Возможность размещения рекламы	Нет	Нет	Нет	Есть статус	Нет	Нет	Есть	Нет	Есть	Есть	Есть
Объем информации в аккаунте	Мал	Мал	Мал	Средн	Средн	Мал	Средн	Средн	Высок	Высок	Высок
Креативность аккаунта, роль интеллект. деятельности в его ценности	Нет	Нет	Нет	Средн	Нет	Нет	Высок	Высок	Высок	Высок	Высок
Возможность законодательного закрепления возможности продажи	Невозможно			Скорее, невозможно			Целесообразно				

Исходя из предложенного разбиения всех аккаунтов на три группы в соответствии с их особенностями и основными функциями, можно сделать следующие выводы.

Аккаунты типа А1-А3, являющиеся по своей сути средствами доступа в некоторые автоматизированные системы и составляющие первую группу, не могут быть объектом продажи, в связи с чем закрепление их продажи на законодательном уровне невозможно.

Аккаунты типа А7-А11, составляющие третью группу, представляют собой результат большой творческой, интеллектуальной деятельности их владельцев, в связи с чем представляется целесообразным закрепление возможности их продажи на законодательном уровне.

Функции аккаунтов типа А4-А6, отнесенных к промежуточной, второй группе, могут быть предметом обсуждений и споров. Помимо чисто юридических проблем, сама целесообразность продажи аккаунтов этого типа представляется неочевидной, в соответствии с чем на данный момент закрепление их продажи на законодательном уровне представляется, скорее нецелесообразным (невозможным).

При продаже аккаунтов, которые могут быть отнесены к третьей группе, следует придерживаться следующих правил: заключить в письменном виде Договор купли-продажи; в Договоре детально описать объект продажи с обязательным указанием ID-номера (идентификатора) и его иных атрибутов и указать, что к покупателю переходят права на весь контент и все материалы, размещенные в аккаунте, в полном объеме и без какого-либо исключения; передачу аккаунта новому владельцу стоит оформить Актом приема-передачи с указанием логина, пароля и других данных для управления аккаунтом; договор купли-продажи желательно согласовать с администрацией Интернет-ресурса, либо заручиться ее согласием.

Ввиду отсутствия специального правового регулирования данной сферы гражданского оборота, необходимо при принятии решения о купле-продаже аккаунта серьезно оценить возможные риски, начиная от блокировки аккаунта со стороны администрации некоторого Интернет-ресурса (при отсутствии ее согласия на сделку) вплоть до оспаривания такой сделки купли-продажи второй стороной.

Литература:

1. Пархоменко П. Н., Федоренко Н. В. Адресная организация Интернет-пространства и споры по поводу доменных имен // Арбитражная практика, 2004, № 6, стр. 10–16.
2. Пархоменко П. Н., Федоренко Н. В. Проблемы применения законодательства в связи с развитием информационных технологий // Арбитражная практика, 2006, № 3, стр. 68–76.
3. Пархоменко П. Н., Федоренко Н. В. Особенности адресной организации сети Интернет и арбитражные споры вокруг доменных имен // Конфидент, 2004, № 4, стр. 12–17.

4. Пархоменко П. Н., Федоренко Н. В. Правовое регулирование отношений в сфере высоких информационных технологий // Конфидент, 2004, № 1, стр. 14–21.
5. Пархоменко П. Н., Федоренко Н. В. Информация во всемирной сети Интернет как предмет арбитражных споров // Конфидент, 2004, № 5, стр. 27–31.
6. Пархоменко П. Н. Доменное имя как особое средство индивидуализации на современном этапе развития электронных технологий. — в сб. Высокие информационные технологии в науке и производстве. — Ростов-на-Дону: РГУ, 2005, стр. 41–43.
7. Пархоменко П. Н. Методы и средства регулирования Интернет-отношений. Правовые проблемы. — в сб. Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы управления». — М.: Государственный университет управления, 2003, стр. 285–287.
8. Пархоменко П. Н., Мисник Н. Н. Средства индивидуализации в пространстве электронного бизнеса. — в сб. Материалы VII международной научно-практической конференции. — Таганрог: ТРТУ, 2005, стр. 336–337.
9. Маковская Д. Н. Продажа Интернет-аккаунта. Юридические аспекты // Вестник науки и образования, 2024, № 10, ч. 1, стр. 65–67.
10. Ахмадуллина А. Ф. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях // LexRussica (Русский Закон), 2022, том 75, № 12, стр. 130–144.
11. Кирсанова Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав // Вестник арбитражной практики, 2020, № 2, стр. 44–48.
12. Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике. — М.: Юстицинформ, 2022, 227 с.
13. Гейкина И. В. Особенности правовой природы аккаунта в социальных сетях // Юрист, 2024, № 4, стр. 14–18.
14. Голышева Н. И., Шаров Д. О. Аккаунт как нематериальный актив: проблемы учета и оценки // Экономика. Бизнес. Банки, 2021, № 4.
15. Шихамиров И. С. Интернет-аккаунт как объект гражданских прав: практика обращения и перспективы использования категории «аккаунт», «учетная запись» // Цифровая наука, 2021, № 6, стр. 72–89.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Определение даты объективного банкротства: методология, судебная практика и нерешённые вопросы

Незов Денис Станиславович, арбитражный управляющий (г. Астрахань)

В статье автор анализирует методологию определения даты объективного банкротства в рамках российского законодательства о несостоятельности (банкротстве). Рассматривается эволюция понятия «объективное банкротство» в судебной практике, начиная с введения термина Верховным Судом РФ в 2017 г., и его закрепление в Постановлении Пленума ВС РФ № 53. Особое внимание уделяется значению даты для установления причин банкротства, субсидиарной и уголовной ответственности контролирующих должника лиц (КДЛ), а также обеспечению судебной предсказуемости. Обсуждаются ключевые ориентиры ВС РФ: причинно-следственная связь действий КДЛ, их осведомленность и наличие антикризисного плана. Подробно описана процедура составления специального баланса на основе рыночной стоимости активов и обязательств, анализ периодов финансового улучшения и ухудшения. Выявлены нерешенные вопросы, включая учет добросовестности КДЛ и временных трудностей. В качестве рекомендаций предлагается введение понятия «субъективного банкротства» для дифференциации ответственности, с учетом возможного предшествования субъективного момента объективному. Анализ опирается на нормативные акты, судебную практику и научные источники, подчеркивая необходимость унифицированного подхода для повышения эффективности правоприменения.

Ключевые слова: объективное банкротство, дата банкротства, субсидиарная ответственность, контролирующие должника лица, судебная практика, антикризисный план, специальный баланс, рыночная стоимость активов, преднамеренное банкротство, субъективное банкротство.

Термин «объективное банкротство» сравнительно недавно вошел в российскую правоприменительную практику, но уже приобрел фундаментальное значение для дел о несостоятельности. Впервые термин использовался Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 20 июля 2017 г. по делу № А50–5458/2015, где он был привязан к бухгалтерской стоимости активов [1, с 4]. В том же определении ВС РФ указал, что с появлением признаков банкротства, указанных в пункте 2 статьи 3, пункте 2 статьи 6 Закона о банкротстве возникает право на обращение с заявлением о банкротстве у внешнего кредитора. Данных признаков недостаточно для возникновения на стороне самого должника в лице его руководителя обязанности по обращению в суд с заявлением о банкротстве. Его обязанность возникает «когда добросовестный и разумный менеджер, находящийся в сходных обстоятельствах, в рамках стандартной управленческой практики, учитывая масштаб деятельности должника, должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 9 Закона о банкротстве».

Позднее в пункте 4 Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 закреплено, что под объективным банкротством понимается «неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кре-

диторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов» [2, с 2–3]. При этом согласно статье 7 Закона об оценочной деятельности [3] при использовании термина «реальная стоимость» определению подлежит рыночная стоимость объекта. Таким образом ВС РФ указал на необходимость определения реальной (рыночной) стоимости активов при определении даты объективного банкротства.

Определение даты объективного банкротства имеет ключевое значение по ряду направлений:

- 1) Установление причин банкротства. Дата позволяет выявить факторы кризиса и обосновать причинно-следственную связь.
- 2) Субсидиарная ответственность. Объём ответственности КДЛ (контролирующих должника лиц) зависит от момента, когда он должен был подать заявление о банкротстве, а также существенности влияния его действий на невозможность полного погашения требований кредиторов.
- 3) Уголовная ответственность. Определение квалификации преступления по статьям неправомерные действия при банкротстве (195 УК РФ) и преднамеренное банкротство (196 УК РФ) [5]. В частности, при определении действий, совершенных до даты объективного банкротства и после нее.

- 4) Судебная предсказуемость. Наличие единого подхода обеспечивает единообразие правоприменения.

Если в арбитражном судопроизводстве благодаря сформированной ВС РФ практике [1] разграничиваются признаки банкротства для внешнего кредитора (необходимые условия принятия заявления кредитора о банкротстве должника) и для самого должника (его КДЛ), то в уголовном судопроизводстве часто такое разграничение не производится. Участники руководствуются исключительно статьей 3 Закона о банкротстве. В связи с этим представляется необходимым выработать единый подход к определению даты объективного банкротства и его признаков именно для самого должника (его КДЛ), которые обладают полнотой информации и к которым применяется ответственность.

Верховный Суд РФ обозначил несколько принципиальных ориентиров для правоприменителя при определении степени ответственности КДЛ:

- 1) Причинно-следственная связь. Суд оценивает существенность влияния действий (или бездействия) КДЛ на положение должника, проверяя наличие причинно-следственной связи между ними и фактически наступившим объективным банкротством [7, с. 4–6].
- 2) Осведомлённость руководителя. Важным фактором является момент, когда руководитель должен был осознать объективную невозможность погашения обязательств в полном объеме [2, с. 6].
- 3) Наличие и реализация экономически обоснованного плана. В пункте 17 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 за 2021 г. подчёркивается, что при оценке даты объективного банкротства необходимо учитывать существование и эффективность антикризисного плана [4, с. 56–61].

При разработке методики определения даты объективного банкротства следует учитывать, что действующее регулирование уже предписывает арбитражным управляющим обязательный комплекс мер: анализ финансовых коэффициентов, выявление причин кризиса, анализ сделок и составление описи имущества с указанием его рыночной стоимости. Это формирует основу для определения даты объективного банкротства, которая состоит из следующих этапов:

1. Определение даты составления специального баланса. В соответствии с Временными правилами проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства [5, с. 2], анализируется период ухудшения двух и более коэффициентов. Если же снижение не наблюдается или отчётность недостоверна, то сделки исследуются за весь период (не менее двух лет предшествующих возбуждению производства по делу о банкротстве).

Следует учитывать, что для определения ответственности КДЛ может потребоваться выявление объективного банкротства на более раннюю дату. Например, если обязательство кредитора возникло ранее 3-х лет, то, воз-

можно, потребуется определить имелась ли на момент его возникновения обязанность руководителя должника по подаче заявления о банкротстве для установления оснований привлечения его к субсидиарной ответственности по статье 61.12 Закона о банкротстве.

2. Составление специального баланса. Баланс содержит только информацию о рыночной стоимости активов и совокупности обязательств. Дополнительно вводится строка, отражающая соотношение активов и обязательств (излишек или недостаток), обеспечивающая ясность для юридического анализа [8, с. 34–44].

3. Выявление периода улучшения финансового состояния. На данном этапе определяется был ли зафиксирован после даты составления специального баланса период устойчивого улучшения показателей исходя из рыночной стоимости имущества, а также наличие экономически обоснованного антикризисного плана. Для этого анализируются сделки, которые могли повлиять на улучшение финансового состояния.

Если улучшения не произошло, выбранная дата объективного банкротства считается корректной.

Если же временное улучшение имело место, датой объективного банкротства будет признаваться момент повторного ухудшения, за которым последовало устойчивое негативное состояние.

Судебная практика допускает смещение даты объективного банкротства, если руководство должника проявляло добросовестность, предпринимало разумные меры и имело реалистичный план выхода из кризиса [2, 4].

Целесообразным представляется предложить на выбор один из следующих инструментов:

- сдвигать дату объективного банкротства с даты превышения совокупного размера обязательств банкрота над реальной стоимостью его активов до даты, когда руководителю стало известно об этом превышении, либо о невыполнимости антикризисного плана;
- оставлять дату объективного банкротства неизменной (с момента превышения совокупного размера обязательств банкрота над реальной стоимостью его активов), а добросовестность КДЛ и наличие антикризисного плана лишь учитывать при решении вопроса об их ответственности;
- ввести понятие «субъективного банкротства» — момента, когда руководитель узнал или должен был узнать о превышении совокупного размера обязательств банкрота над реальной стоимостью его активов, либо нереализуемости антикризисного плана (авторская рекомендация).

При этом следует учитывать, что дата субъективного банкротства может быть как после наступления объективного банкротства, так и до него. Например, в случае если КДЛ принял решение о преднамеренном банкротстве (совершить ряд действий, которые приведут к невозможности погашения требований кредиторов в полном объеме), то с этого момента компания уже не выполнит обязательства в полном объеме, однако, объективное

банкротство еще не наступило. Установление даты принятия решения КДЛ о непогашении задолженности вызывает особую сложность, поскольку такое решение формируется в ментальной сфере и не фиксируется напрямую. О принятии подобного решения можно судить по поведению КДЛ, включая перевод бизнеса на подконтрольные структуры, заключение убыточных сделок, в том числе предоставление или получение займов, сокрытие активов, а также содержание переписки или иных коммуникаций, указывающих на умысел. Такие поведенческие индикаторы и документальные свидетельства позволяют

судам устанавливать умысел с достаточной степенью достоверности.

Таким образом, методика определения даты объективного банкротства должна учитывать не только момент самого превышения совокупности обязательств над реальной стоимостью активов, но и возможные периоды улучшения финансового состояния, после которых кризис возобновился и приобрёл устойчивый характер, анализ действий КДЛ и наличие экономически обоснованного антикризисного плана.

Литература:

1. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 июля 2017 г. по делу № А50–5458/2015.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».
3. Федеральный закон от 29.07.1998 N 135-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021), утв. Президиумом ВС РФ 10.11.2021.
5. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства»
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.09.2020 по делу № А14–7544/2014.
8. Хлопцов Д. М., Беломытцева О. С., Баландина А. С. Методика определения даты объективного банкротства организации // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2022. — № 1. — С. 34–44.

Правовое регулирование венчурного инвестирования в российские стартапы: проблемы трансформации корпоративной структуры

Протазова Екатерина Витальевна, студент магистратуры

Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья анализирует правовые механизмы венчурного инвестирования в российские стартапы, с особым акцентом на сложности, возникающие при перестройке корпоративной организации. Рассматриваются ключевые положения Федерального закона от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе», Гражданского кодекса Российской Федерации и других нормативных актов. Выявляются пробелы в правовом регулировании, связанные с адаптацией форм собственности под инвестиционные нужды, приводятся статистические показатели рынка за 2023–2024 годы. Предлагаются конкретные меры по устранению этих барьеров, включая налоговые стимулы и договорные инструменты, с целью обеспечения баланса интересов участников.

Ключевые слова: венчурное инвестирование, корпоративная структура, правовое регулирование, российские стартапы, инвестиционное товарищество, налоговые льготы.

Венчурное инвестирование служит важным инструментом для развития инновационных проектов в России, где стартапы часто сталкиваются с дефицитом капитала на ранних этапах. Правовая основа этого процесса заложена в Федеральном законе от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», который определяет общие принципы вложений,

включая защиту прав инвесторов и стимулирование экономического роста [1, с. 12]. Дополнительно, Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» вводит специальную форму коллективных инвестиций, позволяющую объединять ресурсы без создания отдельного юридического лица, со сроком действия договора до 15 лет [1, с. 15]. Эти нормы дополняются Гражданским кодексом Российской Федерации

(часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, в частности статьями 1041–1054, регулирующими простые товарищества и распределение ответственности [2, с. 45].

Однако практика показывает, что трансформация корпоративной структуры — от простого общества с ограниченной ответственностью (ООО), предусмотренного Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», к более сложным формам — вызывает значительные трудности. Инвесторы требуют выдел доли в капитале, права на управление и разработку механизмов выхода, что зачастую приводит к конфликтам. Например, при привлечении средств через инвестиционное товарищество учредители рискуют утратить контроль, если не оговорены условия распределения прибыли и рисков в договоре.

Статистические данные иллюстрируют динамику: в 2023 году объем венчурных инвестиций в России составил 84 млн долларов по 175 сделкам, что отражает снижение на 80% по объему по сравнению с 2022 годом, но рост количества на 20% [3, с. 67]. К 2024 году объем вырос вдвое до 177 млн долларов, с преобладанием ранних стадий (58% сделок), где корпоративные изменения особенно критичны [7, с. 14]. Уход иностранных инвесторов после 2022 года увеличил роль внутренних источников до 60%, включая государственные фонды как ВЭБ. РФ, регулируемые Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июня 2023 г. № 986 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [10, с. 19]. Такие сдвиги подчеркивают проблемы в правовом регулировании, особенно в части Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», который гарантирует равные права, но не всегда адаптирован к реалиям [1, с. 18].

Недавние поправки Федеральным законом от 30 сентября 2024 г. № 337-ФЗ «О внесении изменений в статьи 278.2 и 286.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации», ввели инвестиционный налоговый вычет для вкладов в товарищества, направленные на венчурное или прямое инвестирование в малые технологические компании [4, с. 23; 5, с. 10]. Это частично решает проблему, но не устраняет неопределенность в корпоративной перестройке, где требуется соблюдение баланса между защитой интересов и гибкостью.

Нормативная основа венчурного инвестирования и корпоративных изменений

Правовое регулирование венчурного инвестирования в России строится на комбинации общих и специальных норм, ориентированных на привлечение капитала в высокорисковые проекты. Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» устанавливает, что товарищи соединяют вклады для совместной деятельности, с управляющими товарищами, ведущими дела от имени всех с ограничением срока договора в 15 лет [1, с. 15]. Это дополняется Гражданским кодексом Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, где статья 1041 определяет товарищество

как договор с солидарной ответственностью, но в венчурной бизнесе это часто вызывает споры в сфере контроля над активами [2, с. 48].

При трансформации структуры стартапы, зарегистрированные как ООО в соответствии с Федеральным законом от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», должны вносить изменения в устав, распределяя доли среди новых участников [2, с. 46]. Если стартап переходит в форму акционерного общества (АО), применяются нормы Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», позволяющие выпуск привилегированных акций и опционов [6, с. 32]. Анализ показывает, что в 2024 году средний чек сделки составил 0,84 млн долларов, с падением на 84% по сравнению с предыдущими периодами, что связано с рисками таких изменений [3, с. 71].

Проблемы возникают из-за несоответствия: конвертируемые займы, введенные поправками 2024 года в Федеральный закон от 30 сентября 2024 г. № 337-ФЗ, позволяющие инвесторам осуществлять конвертацию долга в акции, но без четких условий это приводит к потере учредителями контроля [4, с. 25]. Варианты решений включают разработку рамочных договоров с фиксацией условий конверсии и судебных способов защиты, реализуемых в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ, кроме того, видится необходимым создание региональных реестров товариществ для осуществления мониторинга [5, с. 12].

Проблемы защиты интересов инвесторов и учредителей

Баланс интересов представляет собой ключевую трудность: инвесторы, руководствуясь статьей 421 Гражданского кодекса Российской Федерации о свободе договора, требуют преференций, в то время как учредители стремятся сохранить управление [2, с. 50]. В 40% сделок 2023 года возникали конфликты из-за распределения прав на интеллектуальную собственность, регулируемой частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ [3, с. 70]. Статистика за первое полугодие 2024 года фиксирует снижение объема инвестиций на 18% до 27 млн долларов и числа сделок на 9%, что напрямую связано с корпоративными спорами [3, с. 69].

Размывание долей при последующих раундах финансирования, где применяются механизмы «полного храповика» или «взвешенного среднего», снижает мотивацию основателей, особенно без опционов для сотрудников [9, с. 82]. Конкретно, в Федеральном законе от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» предусмотрены права вето и ликвидационные преференции, но их реализация требует детальных соглашений акционеров [6, с. 35].

Решения охватывают введение многоуровневых корпоративных соглашений, платформы прямых инвестиций под контролем ВЭБ. РФ согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 15 июня

2023 г. № 986 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [10, с. 21], и налоговые льготы по Федеральному закону от 30 сентября 2024 г. № 337-ФЗ, позволяющие вычеты для вкладов в малые компании [5, с. 12]. Дополнительно, региональные реестры, как указано в этом законе, могут стандартизировать процессы, снижая риски.

Риски неопределенности и внешние факторы

Неопределенность усиливается внешними факторами: Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» гарантирует равные права, но после 2022 года отток капитала привел к дефициту, с ростом нерыночных рисков [1, с. 18]. В 2023 году 58% сделок были на ранних стадиях, где корпоративная трансформация тормозится отсутствием норм для зарубежных участников [7, с. 14].

Анализ экосистемы выявляет отток талантов и барьеры в финтехе: статистика показывает, что в 2024 году объем инвестиций в технологические стартапы составил 177 млн долларов, но с фрагментацией рынка [3, с. 71]. Варианты включают развитие государственно-частного партнер-

ства по Постановлению Правительства Российской Федерации от 15 июня 2023 г. № 986, оптимизацию пропорций акций в АО по Федеральному закону от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ и создание специализированных фондов для минимизации конфликтов [6, с. 33; 10, с. 21].

Анализ подтверждает, что проблемы трансформации корпоративной структуры коренятся в пробелах между гибкостью стартапов и строгими нормами, такими как в Федеральном законе от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ и Гражданском кодексе Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Наиболее эффективным решением видится интеграция налоговых вычетов из Федерального закона от 30 сентября 2024 г. № 337-ФЗ с рамочными договорами, что позволит фиксировать права без чрезмерного давления. Домыслы на основе данных предполагают, что расширение региональных реестров и опционов усилят рынок, стимулируя рост до 200 млн долларов ежегодно, без потери автономии учредителей. Доказательства из статистики и норм подкрепляют: такая гармонизация превратит корпоративные изменения в катализатор прогресса.

Литература:

1. Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ.
3. Отчет Dsight «Венчурная Евразия» за 2023–2024 гг.
4. Федеральный закон от 30 сентября 2024 г. № 337-ФЗ «О внесении изменений в статьи 278.2 и 286.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации».
5. Семко А. А. Правовое регулирование венчурного инвестирования в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. 2021.
6. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».
7. Обзор венчурного рынка России от Агентства инноваций Москвы за 2024 г.
8. Удалова Д. В. Тенденции развития венчурного инвестирования в России. 2023.
9. Материалы по венчурному финансированию от cfin.ru. 2006.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 2023 г. № 986 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Защита трудовых прав в условиях гражданско-правовых договоров: проблемы квалификации и правовые гарантии

Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Копьев Сергей Александрович, студент магистратуры;

Ищенко Анастасия Геннадьевна, студент магистратуры;

Мамаева Александра Сергеевна, студент магистратуры;

Тепляшин Руслан Анатольевич, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется актуальная проблема современного российского права, связанная с распространением практики оформления фактически трудовых отношений посредством гражданско-правовых договоров (ГПД). Данная практика, известная как «заемный труд» или «самозанятость по принуждению», приводит к нарушению фундаментальных трудовых прав работников, лишая их гарантий, предусмотренных трудовым законодательством. Целью исследования является анализ критериев разграничения трудового и гражданско-правового договора, выявление типичных схем уклонения от оформления трудовых отношений и разработка предложений по совершенствованию механизмов защиты прав граждан. В статье обосновывается необходимость усиления превентивных мер, включая расширение полномочий трудовой инспекции, установление презумпции трудовых отношений в спорных случаях и ужесточение ответственности работодателей.

Ключевые слова: трудовой договор, гражданско-правовой договор, защита трудовых прав, заемный труд, критерии разграничения, Трудовой кодекс РФ, право на социальное обеспечение, трудовая инспекция.

Динамичное развитие рынка труда и появление новых форм занятости обуславливают необходимость адаптации правового регулирования. Одной из наиболее острых проблем последнего десятилетия стала подмена трудовых отношений гражданско-правовыми. Стремясь минимизировать налоговую нагрузку и избежать предоставления социальных гарантий, многие работодатели принуждают физических лиц оформлять отношения договорами подряда, возмездного оказания услуг или иными ГПД.

Подобная практика создает ситуацию правовой неопределенности для работника, который, выполняя функции, идентичные трудовой деятельности, лишается права на оплачиваемый отпуск, больничные пособия, защиту от произвольного увольнения, гарантии минимальной оплаты труда и пенсионные накопления. Это не только нарушает права конкретного индивида, но и создает системные риски для всей системы социального обеспечения, подрывая принципы справедливости и законности.

Целью настоящей статьи является анализ правовых пробелов, позволяющих использовать ГПД для маскировки трудовых отношений, и разработка научно обоснованных рекомендаций по усилению защиты прав работников.

Прежде всего выделим критерии разграничения трудового и гражданско-правового договора. Ключевым вопросом является корректное разграничение договоров. Согласно ст. 15 и 56 Трудового кодекса РФ (ТК РФ) [1], трудовой договор основан на личном выполнении работником трудовой функции за плату с подчинением правилам внутреннего трудового распорядка. В отличие от этого, предметом ГПД (гл. 37, 39 Гражданского кодекса РФ) [2] является конкретный результат (вещь, услуга), передаваемый заказчику, а не процесс труда.

Законодатель закрепил критерии в ст. 19.1 ТК РФ («Трудовые отношения, возникающие на основании трудового договора в результате признания отношений, связанных с использованием личного труда и возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями») [1]. К ним относятся, в частности:

- выполнение работы лично с подчинением правилам внутреннего распорядка;
- обеспечение работодателем условий труда;
- гарантированность регулярной оплаты труда;
- осуществление работником деятельности в интересах, под управлением и контролем работодателя.

Однако на практике эти критерии носят оценочный характер. Суды и контролирующие органы вынуждены

исследовать всю совокупность фактических обстоятельств, что приводит к противоречивой правоприменительной практике [3].

Далее рассмотрим типичные схемы подмены и их последствия для работника. Работодатели используют различные схемы для имитации гражданско-правового характера отношений:

— Формальное оформление: в договоре подряда или оказания услуг используются формулировки, включающие признаки трудовых отношений (указание на «конечный результат», отсутствие графика работы, почасовой или сдельный расчет).

— Введение в заблуждение: гражданину не разъясняются последствия заключения ГПД, его убеждают в том, что это «современная форма трудоустройства».

— Дробление договоров: отношения оформляются серией краткосрочных ГПД, чтобы избежать возникновения устойчивой связи.

Последствия для работника катастрофичны: отсутствие оплаты за время болезни и отпуска, невозможность получить гарантии при простое, беременным женщинам и матерям, произвольное определение размера вознаграждения, отсутствие отчислений в Социальный фонд России (СФР), что напрямую влияет на будущую пенсию.

Далее рассмотрим современные механизмы защиты и их недостатки. Закон предусматривает несколько способов защиты:

— Судебный порядок (ч. 2 ст. 19.1 ТК РФ): работник вправе обратиться в суд с заявлением об установлении факта возникновения трудовых отношений [1]. Бремя доказывания лежит в первую очередь на работнике, что является серьезным препятствием.

— Административный порядок: трудовая инспекция может выдать предписание о преквалификации договора, однако ее полномочия часто ограничены, а штрафы по ст. 5.27 КоАП РФ [4] для многих компаний несутельны.

Таким образом, основными проблемами действующего механизма являются:

- слабость превентивного контроля: трудовая инспекция проводит проверки преимущественно по жалобам, а не по собственной инициативе.
- сложность доказывания: работник часто не имеет доступа к доказательствам, подтверждающим систематичность и подчиненный характер работы (приказы, табели учета).
- недостаточная ответственность: санкции несоизмеримы выгоде, которую получает недобросовестный работодатель.

Практика подмены трудовых отношений гражданско-правовыми представляет собой системный вызов, требующий комплексного законодательного и правоприменительного ответа.

В целях усиления защиты трудовых прав предлагаем:

1. Закрепить презумпцию трудовых отношений в спорных случаях, переложив бремя доказывания отсутствия таковых на работодателя.

2. Расширить полномочия Государственной инспекции труда, предоставив ей право проводить внеплановые выездные проверки по данному вопросу на основе косвенных признаков (массовое привлечение одних и тех же лиц по ГПД).

3. Ужесточить ответственность за уклонение от оформления трудового договора, введя соразмерные штрафы, рассчитываемые от суммы сокрытых страховых взносов.

4. Разработать и внедрить четкие, формализованные критерии (чек-листы) для судов и инспекторов, минимизирующие оценочный подход.

5. Проводить широкую информационную кампанию, разъясняющую гражданам риски заключения ГПД вместо трудового договора.

Только совокупность этих мер позволит обеспечить действительную, а не декларативную защиту прав работников и восстановить баланс интересов в современных трудовых отношениях.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г. N 306-ФЗ)// Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 3
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.). // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. N 5 ст. 410
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. N 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, июнь 2004 г., N 6
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1

Гражданско-правовая ответственность государства за вред, причиненный действиями государственных служащих

Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Мамаева Александра Сергеевна, студент магистратуры;

Мискевич Максим Сергеевич, студент магистратуры;

Жайлибаева Жанна Салимжановна, студент магистратуры;

Тепляшин Руслан Анатольевич, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье исследуется институт гражданско-правовой ответственности государства за вред, причиненный неправомерными действиями (бездействиями) его органов и должностных лиц. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов граждан в их взаимодействии с публичной властью. Целью работы является комплексный анализ оснований, условий и специфики применения данного вида ответственности в соответствии с действующим российским законодательством. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на детальную законодательную регламентацию (ст. 1069, 1070 Гражданского кодекса РФ), в правоприменительной практике сохраняется ряд проблем, связанных с доказыванием вины, определением надлежащего ответчика и исполнением судебных решений. В заключение предлагаются пути совершенствования механизма возмещения вреда, причиненного государственными органами.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, государство, возмещение вреда, деликтные обязательства, государственный служащий, органы государственной власти, Российская Федерация, субъект РФ, казна.

Принцип верховенства права и гарантированности защиты прав человека предполагает, что любое государство не только обладает властными полномочиями, но и несет ответственность за их неправомерное осуществление. Институт ответственности государства за вред, причиненный его служащими, является краеугольным камнем правового государства и важнейшей гарантией соблюдения прав граждан. В Российской Федерации данный институт нашел свое закрепление в статьях 52, 53 Конституции Российской Федерации [1] и получил детальную разработку в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2].

Целью настоящей статьи является анализ гражданско-правового механизма возмещения вреда, причиненного действиями государственных служащих, выявление теоретических и практических проблем его реализации и формулирование предложений по его совершенствованию.

В теории гражданского права ответственность государства носит регрессивный (субсидиарный) характер. Это означает, что государство отвечает не за собственные действия, а за действия своих органов и их должностных лиц, выступая как бы в качестве правопреемника по обязательству возместить вред.

Основанием для возникновения такого деликтного обязательства является совокупность следующих юридических фактов (условий ответственности) [3, 2]:

1. Наличие вреда, причиненного личности или имуществу гражданина, либо имуществу юридического лица.

2. Противоправность действий (бездействия) государственного органа или его должностного лица.

3. Причинно-следственная связь между противоправным действием (бездействием) и наступившим вредом.

4. Вина причинителя вреда. В соответствии с п. 2 ст. 1068 ГК РФ юридические лица и публично-правовые образования отвечают за вред, причиненный их работниками при исполнении трудовых обязанностей. По общему правилу, такая ответственность наступает независимо от вины работодателя. Однако для государственных органов в ст. 1069 ГК РФ установлен особый режим — ответственность наступает при наличии вины. Бремя доказывания отсутствия вины лежит на причинителе вреда.

Особенностью является и то, что непосредственный причинитель вреда — государственный служащий — не несет ответственности перед потерпевшим. Потерпевший предъявляет иск непосредственно к государству в лице соответствующего финансового органа (казны). К служащему же государство может предъявить регрессный иск в порядке ст. 1081 ГК РФ, если его вина установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Ответственность государства за вред, причиненный его служащими, регулируется прежде всего ст. 1069 и 1070 ГК РФ.

— Статья 1069 ГК РФ устанавливает общее правило: вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо их должностных лиц, подлежит возмещению за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта РФ или казны муниципального образования [2].

— Статья 1070 ГК РФ предусматривает повышенные гарантии для случаев причинения вреда в сфере правосудия и предварительного расследования. Вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу. Вред, причиненный в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения

к уголовной ответственности и т. д., возмещается независимо от вины должностных лиц [2].

Важным аспектом является определение надлежащего ответчика. Иск предъявляется к публично-правовому образованию (РФ, субъекту РФ, муниципальному образованию), от имени которого выступает соответствующий финансовый орган (например, Министерство финансов РФ или управление финансов субъекта РФ). В исковом заявлении в качестве ответчика указывается, например: «Российская Федерация в лице Министерства финансов Российской Федерации».

Несмотря на четкую законодательную базу, на практике возникают серьезные сложности:

1. Проблема доказывания. Гражданину крайне сложно собрать доказательства, подтверждающие противоправность действий государственного служащего и причинно-следственную связь. Зачастую требуется обжаловать сами действия в вышестоящий орган или суд в порядке административного судопроизводства, и только после их признания незаконными предъявлять иск о возмещении вреда.

2. Сложность идентификации ответчика. Потерпевшие часто путаются, к кому предъявлять иск — к конкретному органу, его вышестоящей инстанции или напрямую к финансовому органу. Это приводит к возвращению исковых заявлений и затягиванию процесса.

3. Проблемы исполнения судебных решений. Даже выиграв дело, взыскатель может столкнуться с волокитой при исполнении решения суда, так как процесс перечис-

ления средств из казны связан со сложной бюджетной процедурой.

Пути решения:

— Развитие прецедентной практики Верховного Суда РФ по данным категориям дел.

— Упрощение процедуры доказывания для потерпевшего, возможное смещение бремени доказывания законности своих действий на государственный орган.

— Повышение информированности граждан о порядке защиты своих прав.

— Закрепление более четких и коротких сроков для исполнения решений о взыскании средств из казны.

Таким образом, институт гражданско-правовой ответственности государства за вред, причиненный его служащими, является жизненно важным элементом правовой системы демократического государства. Российское законодательство в целом соответствует современным международным стандартам в этой области, закрепляя принцип ответственности казны за действия своих органов.

Однако для повышения эффективности данного института необходимо не только дальнейшее совершенствование законодательства, но и изменение правоприменительной практики, направленное на упрощение процедуры защиты прав потерпевших и обеспечение неотвратимости ответственности публичной власти. Только так можно реализовать конституционный принцип, согласно которому государство не только управляет, но и отвечает за свои действия перед человеком и гражданином.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 8 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., N 0001202210060013
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — N 5. — Ст. 410.
3. Скворцова Е. С., Рейдель Л. Б. Особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями государственных органов // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2023. № 2 (51).: 12.09.2025).

Причины популярности и опасности подпорных стен в городе Сочи Краснодарского края, их функциональное назначение и правовые особенности

Шереметьева Оксана Юрьевна, адвокат (г. Сочи)

Город Сочи является уникальным городом Российской Федерации не только благодаря наличию Черного моря, но и прежде всего потому, что город обладает сложным и уникальным рельефом, имеет свои правовые особенности в части не только строительства объектов капитального строительства, но и возведения таких сооружений, как подпорная стена.

Во многих ли городах России возведение подпорных стен массово распространено? Скорее всего, ответ будет отрицательным, но в городе Сочи любое строительство фактически всегда сопряжено с возведением подпорных стен, поскольку практически вся территория города Сочи находится в зоне ОПП-О, то есть в зоне распространения опасных геологических процессов (ОПП) с категорией опасности О (особая).

Так что же такое подпорная стена? В юридической терминологии отсутствует единое понятие подпорной стены, поскольку подпорная стена может выполнять разные функции.

Простыми словами, подпорная стена — это щит против оползней, а сложными — инженерное сооружение, предназначенное удерживать (подпирать) массив грунта от обрушения или сползания на уклонах, откосах, склонах оврагов и в других местах, где существует перепад высот.

Чтобы точно определить, находится ли земельный участок в зоне ОПП-О, необходимо получить градостроительный план земельного участка.

Как правило, почти 85% всех земельных участков территории города Сочи находятся в зоне ОПП-О.

Поскольку ОПП-О — это зона распространения опасных геологических и инженерно-геологических процессов, которые представляют собой природные или природно-техногенные процессы, которые могут нанести ущерб строительству, эксплуатации зданий и сооружений или представлять угрозу для жизни людей, необходимо более серьезно отнестись к строительству на земельном участке, расположенном в этой зоне, поскольку такой земельный участок характеризуется высоким уровнем рисков для строительства и будущей эксплуатации.

Более того, нахождение земельного участка в ОПП-О говорит о необходимости перед началом строительства подготовить заключение об инженерно-геологических условиях такого земельного участка, в котором специалист должен указать на необходимость строительства подпорных стен при освоении земельного участка или на их возможное отсутствие при строительстве на земельном участке объекта недвижимого имущества.

Таким образом, вопрос о необходимости возведения подпорных стен принимается собственником земельного участка не самостоятельно, а только с помощью специалиста. В этом и заключается правовая особенность возведения подпорных стен в городе Сочи Краснодарского края.

Дальше, если существует необходимость возведения подпорной стены, то необходимо понять, каким будет ее функциональное назначение, поскольку именно от этого будет зависеть, станет подпорная стена объектом капитального строительства или сооружением вспомогательного использования.

Подпорная стена может иметь самое разное функциональное назначение. Например, она может представлять собой искусственное сооружение вспомогательного характера для предотвращения разрушения границ земельного участка.

Подпорная стена может удерживать грунт, и главной функцией такой подпорной стены будет противодействие боковому давлению (распору) грунта, находящегося за стеной, с предотвращением его оползания или обрушения.

Подпорная стена может укреплять склоны и откосы. Она не только сохранит склон в его естественном состоянии, но и позволит обеспечить его устойчивость.

Подпорная стена может предотвращать эрозию. Основная ее роль в данном случае — защита склонов от размыва водой (дождевой, талой, грунтовыми водами).

Подпорная стена может решать задачу террасирования, то есть создания ровных горизонтальных или слегка наклонных площадок (террас) на склоне для строительства, земледелия, ландшафтного дизайна или организации дорог.

Подпорная стена может формировать рельеф. В этом случае она позволяет создавать нужные перепады высот на участке (например, при строительстве дома с цокольным этажом на склоне).

Также подпорная стена может выполнять декоративную функцию, использоваться в ландшафтном дизайне для создания красивых и интересных многоуровневых композиций.

Таким образом, всегда остается открытым вопрос, выполняет подпорная стена вспомогательную функцию или может стать основным объектом капитального строительства на земельном участке.

С данным вопросом я часто сталкиваюсь в судах.

Этот вопрос актуален не только в юридическом аспекте. Такой же вопрос задают многие проектировщики, архитекторы и даже государственные органы в силу полномочий, предоставленных им в соответствии с действующим законодательством.

Утверждение о том, что подпорная стена как сооружение выполняет вспомогательную функцию, весьма сомнительно. Вместе с тем судебная практика в большинстве случаев поддерживает такую позицию, подчеркивая отсутствие самостоятельного функционального назначения у подпорной стены и в целом ее вспомогательный характер как элемента благоустройства.

Более того, в большинстве случаев суды подчеркивают, что даже тот факт, что подпорная стена прочно связана с землей, не может служить основанием отнесения ее к объектам недвижимости, ведь она строится совместно с объектом капитального строительства и для ее строительства получение предусмотренных градостроительным законодательством разрешений не требуется. И в практике города Сочи увидеть разрешение на возведение подпорной стены, выданное администрацией муниципального образования город-курорт Сочи, практически невозможно.

Но в целом отсутствие такой административной процедуры не только не улучшает внешний облик города Сочи, но и делает его небезопасным и создающим угрозу жизни и здоровью людей.

Полагаю, что решение данного вопроса должно все-таки основываться прежде всего на необходимости определения конкретной задачи или функции, которую будет выполнять подпорная стена на земельном участке.

При всем возможном многообразии функционального назначения подпорных стен не только отсутствуют четкие критерии самого понятия подпорной стены, но и в правовом поле действующего законодательства без судебной практики и рассмотрения конкретного судебного спора невозможно определить, является ли подпорная стена объектом капитального строительства, подлежит ли она государственной регистрации. Должно ли выдаваться разрешение на строительство подпорных стен в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации? Должна ли подпорная стена быть в проекте при обращении в административные органы за уведомлением о планируемом строительстве или строительство подпорных стен

на земельных участках с таким видом разрешенного строительства, как индивидуальное жилищное строительство, должно происходить в рамках улучшения или подготовки земельного участка для строительства?

Данная тема, может быть, в целом в Российской Федерации и не столь актуальна, как в городе Сочи Краснодарского края, но проблема существует, и инициировать совершенствование законодательства в данной части необходимо на федеральном уровне, поскольку отсутствие законодательного закрепления процесса постройки подпорных стен влечет за собой их возведение без надлежащих инженерных расчетов, без разрешений, что несет опасность для граждан.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

К вопросу об отсутствии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, предусмотренных статьями 290–291 УК РФ в составах мелкого взяточничества (статья 291.2 УК РФ)

Дзусов Руслан Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассмотрен вопрос отсутствия квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. ст. 290, 291 УК РФ в составах мелкого взяточничества (ст. 291.2. УК РФ). Проведен анализ юридической литературы, содержания норм уголовного закона, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

*Полагаем, что рассмотренные в работе признаки повышают степень общественной опасности взяточничества в раз-
мере, не превышающем десяти тысяч рублей, в связи с чем указанные признаки могли бы быть закреплены в ст. 291.2.
УК РФ.*

Ключевые слова: взятка, взяточничество, проблемные аспекты взяточничества.

On the absence of qualifying and special qualifying features of articles 290 and 291 of the criminal code in the compositions of small-sized bribery (article 291.2 of the criminal code)

The article discusses the absence of qualifying and especially qualifying features provided for in Articles 290 and 291 of the Criminal Code of the Russian Federation in the compositions of small — size bribery (Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article analyzes legal literature, the content of criminal law norms, and the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

We believe that the features discussed in this paper increase the public danger of bribery in an amount not exceeding ten thousand rubles, and therefore these features could be included in Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: a bribe, bribery, problematic aspects of bribery.

Цель работы — рассмотреть вопрос отсутствия квали-
фицирующих и особо квалифицирующих признаков,
закрепленных в ст. ст. 290, 291 УК РФ в составах мелкого
взяточничества (ст. 291.2. УК РФ) [8].

Для достижения цели работы необходимо решить сле-
дующие задачи:

- рассмотреть точки зрения, содержащиеся в юри-
дической литературе по теме исследования;
- провести анализ законодательной базы, и разъяс-
нений Пленума Верховного Суда РФ в контексте
обозначенной цели работы [3; 4; 8].

Предмет исследования — вопрос отсутствия квали-
фицирующих и особо квалифицирующих признаков, преду-
смотренных ст. ст. 290, 291 УК РФ в составах мелкого взя-
точничества (ст. 291.2. УК РФ) [8].

В качестве методов исследования использованы: метод
анализа, метод синтеза, формально-юридический метод.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых,
динамикой роста регистрируемых преступлений, свя-
занных с мелким взяточничеством, необходимостью
их правильной квалификации (согласно статистическим
данным, опубликованным МВД РФ, за январь — апрель
2025 зарегистрировано на 28,7% больше преступлений,
связанных с мелким взяточничеством, чем за анало-
гичный период 2024 г.) [7, с. 6], а, во-вторых, интересом
исследователей к рассматриваемому в работе вопросу,
о чем свидетельствует его обсуждение в юридической
литературе.

Для достижения цели работы проведем анализ уголов-
ного закона [8], постановлений Пленума Верховного Суда
РФ [3; 4], юридической литературы, связанной с темой
исследования.

Основной вопрос исследования касается отсутствия
квалифицирующих и особо квалифицирующих при-

знаков, предусмотренных ст. ст. 290, 291 УК РФ в составах мелкого взяточничества (ст. 291.2. УК РФ) [8].

Говоря о квалификации взяточничества в размере, не превышающем десяти тысяч рублей при наличии в содеянном квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, повышающих степень общественной опасности, которые предусмотрены в ст. 290, 291 УК, следует иметь в виду, что Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснения по указанному вопросу [3]. Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» «нормы об ответственности за мелкое взяточничество... являются специальными по отношению к положениям статей 290, 291... УК РФ, получение или дачу взятки... в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, следует квалифицировать по части 1 статьи 291.2 УК РФ ... УК РФ независимо от того, за какие действия (законные или незаконные), в каком составе участников (единолично или группой лиц), а также при наличии других квалифицирующих признаков взяточничества... они совершены» [3; 8].

Вместе с тем, в юридической литературе по данному вопросу можно встретить различные мнения.

Как отмечают В. С. Изосимов, М. Е. Гущев, вышеуказанная «позиция Верховного Суда РФ является дискуссионной» [2, с. 83–87], поскольку, «... в настоящий момент большинство преступлений, относящихся к мелкому взяточничеству, совершается при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных в статьях 290 и 291 УК РФ, в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, что, несомненно, повышает степень общественной опасности преступных деяний» [2, с. 83–87; 8]. «...таким образом, отягчающие обстоятельства, не закрепленные в статье 63 УК РФ, остаются без внимания» [2, с. 83–87; 8].

Исследуя проблемы квалификации мелкого взяточничества, И. А. Савенко, В. А. Бикмашев отмечают, что «...в юридической литературе и судебной практике нередко поднимается вопрос о том, как правильно квалифицировать мелкое взяточничество, если оно содержит признаки, изложенные в ст. 290 и 291 УК РФ» [5, с. 58–62]. И. А. Савенко, В. А. Бикмашев отмечают неоднозначность мнений ученых по поводу правильной квалификации мелкого взяточничества при наличии в содеянном квалифицирующих признаков, закрепленных в ст. 290, 291. УК РФ [5, с. 58–62].

А. В. Сарычев, И. Н. Архипцев «считают необходимым включить в состав преступления, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ, квалифицирующие признаки, а именно: дача взятки, не превышающей размера десяти тысяч рублей, группой лиц, а также получение взятки, сопряженной с вымогательством, с установлением соразмерной ответственности, и внести соответствующие изменения в УК РФ» [6, с. 14–19].

М. М. Алафьев, исследуя вопросы дифференциации уголовной ответственности за мелкое взяточничество,

предлагает изменение ст. 291.2. УК РФ с включением ряда квалифицирующих признаков, содержащихся в ст. ст. 290, 291 УК РФ [1, с. 48–55].

Таким образом, можно констатировать что ряд ученых отмечают дискуссионность исследуемого вопроса, связанного с отсутствием квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. ст. 290, 291 УК РФ в составах мелкого взяточничества (ст. 291.2. УК РФ), а также возможности совершенствования уголовного закона путем закрепления указанных признаков в ст. 291.2. УК РФ [8].

Как нам представляется, получение взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей при наличии признаков: «за совершение заведомо незаконных действий (бездействия)» [8]; «с вымогательством взятки» [8]; «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой» [8] обладает существенно большей степенью общественной опасности чем преступление не обладающее указанными признаками.

На повышенную общественную опасность вышеобозначенных признаков указывают:

- во-первых, конструкции ст. ст. 290, 291 УК РФ, в которых вышеприведенные признаки закреплены в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих, разъяснения квалификации которых содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [3; 8]. Хотя вышеприведенные признаки в настоящее время не закреплены в ст. 291.2. УК РФ в качестве повышающих степень общественной опасности преступления, наличие этих признаков в других нормах, связанных со взяточничеством (ст. ст. 290, 291 УК РФ), свидетельствует о повышенной степени общественной опасности этих признаков [3; 8];
- во-вторых, закрепление рассматриваемых признаков в других уголовно-правовых нормах как повышающих степень общественной опасности преступления. Так, например, признак «группа лиц по предварительному сговору», закреплен в п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ; ч. 2 ст. 159 УК РФ; ч. 2 ст. 160 УК РФ; п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ; ч. 2 ст. 162 УК РФ; п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ; п. «а» ч. 3 ст. 204 УК РФ и др. [8].

Признак «организованная группа», закреплен в п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ; ч. 4 ст. 159 УК РФ; ч. 4 ст. 160 УК РФ; п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ; п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ; п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ; п. «а» ч. 3 ст. 204 УК РФ и др. [8].

Признак вымогательства закреплен в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ; п. «б» ч. 7 ст. 204 УК РФ [8].

Признак незаконных действий (бездействия) закреплен в п. «в» ч. 7 ст. 204 УК РФ [8];

- в-третьих, положение п. «в» ч. 3 ст. 63 УК РФ предусматривающее в числе прочего признаки: «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой» в качестве обстоятельств, отягчающих наказание [8];

— в-четвертых, на повышенную общественную опасность получения взятки с признаком «с вымогательством взятки» указывает и то, что составы вымогательства закреплены в действующем уголовном законе в качестве самостоятельных преступлений как действия, представляющие общественную опасность (ч. ч. 1–3 ст. 163 УК РФ) [8].

В соответствии с принципом справедливости, закрепленным в ст. 6 УК РФ, «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» [8].

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» «степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления,

роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии»... [4].

Исходя из вышесказанного, полагаем, что наличие в рассматриваемых преступлениях (предусмотренных ст. 291.2. УК РФ) признаков: «с вымогательством взятки», «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой», «за незаконные действия (бездействие)», свидетельствует о большей степени общественной опасности содеянного, чем такие же деяния, но не содержащие указанных признаков [3; 4; 8]. Исходя из этого, полагаем, что указанные признаки, повышающие степень общественной опасности взяточничества в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, могли бы быть закреплены в ст. 291.2. УК РФ в качестве признаков, повышающих степень общественной опасности содеянного и влекущих, исходя из этого, дифференциацию наказания [8].

В связи с этим, как представляется, дальнейшие исследования в данном направлении могут способствовать совершенствованию уголовного закона и практики правоприменения.

Литература:

1. Алафьев М. М. Дифференциация уголовной ответственности за мелкое взяточничество // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 48–55. [Электронный ресурс]: сайт Электронной библиотеки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-melkoe-vzyatochnichestvo> (дата обращения: 30.06.2025 г.).
2. Изосимов В. С., Гущев М. Е. Проблемные аспекты применения отдельных уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за взяточничество // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сборник 2022. № 11–2. С. 83–87 [Электронный ресурс]: сайт Электронной библиотеки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-primeneniya-otdelnyh-ugolovno-pravovyh-norm-reglamentiruyuschih-otvetstvennost-za-vzyatochnichestvo> (дата обращения: 24.06.2025 г.).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]: сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8355/> (дата обращения: 16.05.2025 г.).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс]: сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8470/?ysclid=mckloofipe610129417> (дата обращения: 01.07.2025 г.).
5. Савенко И. А., Бикмашев В. А. Актуальные проблемы квалификации мелкого взяточничества и пути их преодоления // Общество и право. 2022. № 2 (80). С. 58–62 [Электронный ресурс]: сайт Электронной библиотеки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-kvalifikatsii-melkogo-vzyatochnichestva-i-puti-ih-preodoleniya?ysclid=mca1b28jqs105131072> (дата обращения: 24.06.2025 г.).
6. Сарычев А. В., Архипцев И. Н. Проблемы квалификации мелкого взяточничества и вопросы совершенствования ст. 291.2 УК РФ // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 4. С. 14–19 [Электронный ресурс]: сайт Электронной библиотеки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-kvalifikatsii-melkogo-vzyatochnichestva-i-voprosy-sovershenstvovaniya-st-291-2-uk-rf> (дата обращения: 23.06.2025 г.).
7. «Состояние преступности в России за январь — апрель 2025 года» // Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Москва. — 64 с. [Электронный ресурс]: официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/65027102/> (дата обращения: 19.06.2025 г.).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ [Электронный ресурс]: официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891&ysclid=1w2k667ozq349391901> (дата обращения: 16.06.2025 г.).

К проблеме криминологического понятия «личность преступника-террориста»

Егорова Алёна Денисовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шляпкина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор анализирует подходы к определению понятия «преступник-террорист» и предлагает новое криминологическое определение, сочетающее в себе мотивацию, цели, способы деятельности преступников, а также организационную структуру, в рамках которой действуют террористы.

Ключевые слова: личность преступника-террориста, террористическая преступность, террорист, криминологическое определение, общественная опасность.

Современный мир нестабилен, в нём прослеживается глобализация угроз, совершается огромное количество преступлений. Одним из самых опасных вызовов, стоящих перед миром, является терроризм, который представляет существенную угрозу международной безопасности. Долгие годы изучения, исследований этого явления, борьбы с ним не привели к выработке единого, общепринятого определения субъекта такого преступления — преступника-террориста. Отсутствие единого, четкого и юридически верного определения влечет за собой проблемы, затрагивающие практически все сферы общественной жизни. Так, например, на международном уровне отсутствие соглашения о том, какое лицо необходимо считать террористом, существенно затрудняет сотрудничество между государствами по вопросам борьбы с такими преступлениями. В разных странах применяют различные критерии для определения преступника-террориста, что влечет за собой несогласованность действий в осуществлении антитеррористической деятельности. В рамках одного государства отсутствие единого определения влечет за собой ошибки в правоприменительной практике, риск неправомерного преследования невиновных, нарушения прав и свобод человека. Вследствие отсутствия такого определения в обществе часто формируются искаженное представление о преступниках-террористах, доминируют стереотипы и предвзятые суждения, которые, в свою очередь порождают ущемление определённых групп населения и усугубляют межнациональные конфликты.

Наука криминология, которая стремится к объективности, системности и точности, нуждается в четком, обоснованном определении преступника-террориста. Исходя из вышесказанного, целью данной научной работы является анализ существующих подходов к определению преступника-террориста и предложение целостного, научно обоснованного и юридически корректного криминологического определения преступника-террориста.

В современном обществе, охваченном информацией из медиaprостранства и интернета, сформировались устойчивые и достаточно искаженные представления о террористах. Эти стереотипные представления препятствуют адекватному восприятию и пониманию такой серьезной проблемы.

Одним из наиболее распространённых описаний террориста является образ «фанатика», то есть человека, живущего религиозной или идеологической ненавистью, ко-

торая лишает его возможности рационально мыслить. Однако, данный образ является неверным, так многие террористы, хоть и имеют искажённую ценностно-мотивационную сферу, но при этом, являются образованными людьми, способными к логическому анализу и планированию.

Другим довольно распространённым является стереотип о том, что террористом является лицо иностранного происхождения. К сожалению, в наше время люди часто связывают терроризм с определённой этнической или религиозной группой, что порождает межнациональную рознь. Но ведь не каждый иностранный гражданин является террористом, да и любой гражданин может осуществить террористический акт внутри своей страны. Поэтому, данное представление о личности преступника-террориста является неверным.

Также считается, что террористом является исключительно мужчина. Однако статистические сведения, представленные Судебным Департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, свидетельствуют о том, что и женщины являются субъектами столь страшных преступлений. Так, за 2022 год в Российской Федерации осуждена 51 женщина за совершение преступления террористического характера, за 2023 год — 45 женщин, за 2024 год — 83 женщины [1]. Несмотря на то, что в процентном соотношении доля женщин не достигает даже 10% от совершенных преступлений террористической направленности в целом, это позволяет нам сделать вывод о том, что такие деяния не «прикреплены» за определённым полом.

Не малозначительно и мнение о том, что террористов отличает наличие объемной одежды, под которой они прячут взрывные устройства [2, с. 120–130]. Однако, такой стиль одежды свойственен не только террористам, но и законопослушным гражданам,

В своем словаре С. И. Ожегов определяет террориста как участника или сторонника актов индивидуального террора [3, с. 1862]. Предложенное определение хоть и верно описывает такое лицо, но не предоставляет достаточных отличительных признаков преступника.

Уголовное законодательство под террористом понимает вменяемое лицо, совершившее преступление террористического характера и достигшее возраста уголовной ответственности. Данное представление преступника-террориста достаточно конкретно и формально определено, но оно не раскрывает мотивацию лица, причины со-

вершения преступления, криминологическую сущность личности террориста.

Криминология — самостоятельная, общетеоретическая, социально-правовая и прикладная наука, которая изучает: преступность как явление, существующее в обществе, причины и условия его возникновения и существования; личность преступника; а также систему мер её предупреждения [4, с. 5]. Исходя из этого, для определения понятия личности преступника-террориста необходимо использовать комплексный подход, интегрирующий правовые, социологические, психологические, статистические и другие методы исследования, учитывая юридические, социально-психологические, мотивационные и организационные критерии.

Если рассматривать цель террориста, то целесообразным будет учитывать цель террористического акта, указанную уголовным кодексом, а именно дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений [5]. Мотивы, как правило, носят политический, идеологический, корыстный, религиозный, эгоистический, националистический характер.

Деятельность преступников-террористов всегда сопровождается публичностью, нарушением общественной безопасности, устрашением населения, широким общественным резонансом. Террористы используют насилие или угрозу его осуществления в отношении своих жертв как инструмент психологического давления на общество в целом.

Как правило, большинство террористов состоят в различных террористических организациях, объединённых общим мировоззрением и идеологией, что тоже является важным для составления криминологического определения рассматриваемого понятия.

Личность преступника-террориста также имеет свои отличительные аспекты. У такого лица искажена ценностно-мотивационная сфера личности, мышлению свойственно поляризованное восприятие мира, радикализация убеждений. Человек зачастую сильно подвержен внушаемости, что объясняет наличие «случайных» преступников-террористов.

Обычно, террористом считается лишь то лицо, которое непосредственно осуществляет взрыв, поджог или иные действия, устрашающие население, однако,

уголовный кодекс содержит и иные проявления деятельности террориста. Такими действиями, к примеру, являются: склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение преступлений террористической направленности, финансирование терроризма, пособничество в совершении преступлений публичные призывы к осуществлению такой деятельности, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, организация террористического сообщества или организации и участие в нем и другие [5].

Учитывая вышеизложенную информацию, целесообразно предложить следующее криминологическое определение:

Преступник-террорист — лицо, обладающее совокупностью социально-психологических свойств, которое, руководствуясь политическими, идеологическими, корыстными, религиозными, эгоистическими и/или националистическими мотивами, осуществляет или планирует осуществить публичные акты насилия с целью дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений и устрашения населения, как правило, действующее в рамках деятельности террористического сообщества или организации, а также лицо, способствующее осуществлению террористической деятельности путем финансирования, пособничества, склонения или вербовки лиц, организации или участия в террористическом сообществе или организации.

Таким образом, проблема определения понятия «преступник-террорист» является сложной и требует пристального внимания как с научной, так и с практической точки зрения. Существующие подходы к определению рассматриваемого понятия являются недостаточными и отчасти некорректными. Социальные понятия, берущие свое начало зачастую из общественного мнения, формируют упрощенное и ужасающее и неверное представление о преступнике-террористе. Юридические же понятия, к примеру, уголовно-правовое, ограничиваются узкой трактовкой такой личности, не раскрывая характерных черт такого лица. Предложенное в этой статье криминологическое определение позволяет рассмотреть личность преступника-террориста многогранно, учитывая его мотивацию, цели, способы деятельности, и организационную структуру, в рамках которой действуют террористы.

Литература:

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата посещения: 20.09.2025)
2. Иванова Т. Н. Полынцева М. М. К вопросу о социальной безопасности в контексте анализа проблемы терроризма в современном российском обществе: социологический опыт // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 38. — С. 120–130. — URL: <https://e-koncept.ru/2016/56883.htm>
3. Ожегов С. И., Н. Ю. Шведова Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949 С. 1862
4. Варыгин А. Н., Громов В. Г., Шляпникова О. В. Основы криминологии и профилактики преступлений: учебное пособие / Под ред. А. Н. Варыгина. — 2-е изд. перераб и доп. — М.: Юрайт, 2019. С. 5
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; 2024. — № 46. — Ст. 6912.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 8 (50) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.10.2025. Дата выхода в свет: 21.10.2025.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Академика Кирпичникова, д. 25.